

Алексей
БУЦАЙЛО

СЛАВЯНСКОЕ ФЭНТЕЗИ

МАСТЕР ПО НЕЧИСТИ

Лауреат премии *Рукопись года*

Славянское фэнтези

Алексей Буцайло
Мастер по нечести

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Буцайло А. С.

Мастер по нечести / А. С. Буцайло — «Издательство АСТ»,
2019 — (Славянское фэнтези)

Послушников из Богоявленского монастыря в народе уважительно называют Мастерами по нечисти за умения и самоотверженность, с которыми они противостоят потусторонним силам. Брат Арсентий, в прошлом княжий дружинник, – один из таких мастеров. Иногда один, иногда с другими братьями он бьется с вурдалаками, оборотнями и колдунами, не щадя своей жизни. Арсентий не волшебник, а обычный человек, поэтому против нечисти использует только оружие в умелых руках, древние знания и отчаянную смелость.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Буцайло А. С., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Душа волколюда	6
Не буди Лихо...	24
Ночной гость	41
Между Явью и Навью	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алексей Буцайло

Мастер по нечисти

© Алексей Буцайло, текст, 2019

© Борис Аджиев, ил., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Душа волколюда

Вряд ли во всем княжестве можно было встретить более неуютное место, чем эта старая часовня. Пронзительный сквозняк колыхал пламя свечей под образами. Серебристыми нитями пробивался через щели в кровле холодный свет луны. В воздухе висела причудливая смесь запахов плесени, пыли и ладана. Рассыхающиеся доски время от времени глухо постанывали, будто по ним ходил кто-то невидимый.

Брат Арсентий – рыжебородый монастырский послушник¹ лет тридцати на вид, одетый в серую рясу, перехваченную на поясе грубой веревкой, – поправил свечу на наклонном столике, зябко повел плечами и потрогал застиранный платок, обмотанный вокруг шеи. Перевернул страницу молитвослова и бросил угрюмый взгляд на гроб в центре часовни – по его ощущениям, полночь уже наступила, а значит, вурдалак может пробудиться в любой момент. Но покойник лежал с таким умиротворенным лицом, что Арсентий засомневался в правоте крестьян, позвавших мастера по нечисти на ночную службу.

В этот миг сверху что-то грохнуло, и послушник настороженно обвел купол часовни глазами цвета холодной стали. Но, убедившись, что звук раздается снаружи – видимо, ночной ветер ударил, – Арсентий задумчиво потер ожог, который уродовал всю левую сторону его лица, от брови до бороды. Потом размашисто перекрестился и вернулся к молитвослову.

Увлечшись чтением, Арсентий чуть было не пропустил то, ради чего сюда и пришел. Подняв в очередной раз глаза, послушник увидел, что старик с бескровно-бледным лицом сидит в гробу и очень недобро смотрит на него. И облизывается.

– Здорово, дед! – кивнул Арсентий нежитю. – Чего не спим?

Вурдалак неторопливо, не сводя с послушника немигающего взгляда, выбрался из гроба. Подошел почти вплотную и стал медленно переступать вдоль меловой линии на полу, очерченной вокруг Арсентия, как будто пытался нащупать слабое место.

– Зачем пришел, парень? – прошепелявил он. Похоже, желтые клыки, торчавшие изо рта, мешали ему говорить.

– Тебя успокоить. – Арсентий, стараясь сделать это незаметно, потянулся к серебряной цепи в сажень длиной и с мизинец толщиной, подвешенной на гвоздь с правой стороны стола. То, что серебро – лучшая защита от всякой нечисти, – ведает каждый смерд. На тварей оно действует почти как огонь на человека: обжигает и доставляет нестерпимую боль.

– Непростой ты парень, знаешь много, – прищурился вурдалак, а потом раздвинул губы в подобии улыбки. – Но до утра не доживешь.

– Ну это мы еще посмотрим. – Цепь, запущенная умелой рукой, свистнула в воздухе и обвилась вокруг тела нежитя, притягивая руки вплотную к телу. Тот заревел от боли, забился, стараясь разорвать путы. Арсентий выхватил из-под рясы деревянный молоток и заостренный осиновый кол. Перешагнул линию, приблизился к деду, поднимая на ходу орудия усмирения неупокоенных мертвецов...

И понял, что поспешил. Вурдалак с утробным рычанием напряг неожиданно сильные руки, и цепь лопнула с мелодичным звоном. Мертвый дед рванул вперед, вытянул в сторону послушника ладони с черными когтями. Арсентий отскочил назад, в круг, но увидел, что ногой случайно подтер меловую линию. Не очень представляя, что делать дальше, послушник бежал столик с книгой. Когда он запирался вечером в часовне, то не думал, что упырь окажется настолько сильным. Все-таки они на священной земле, вокруг иконы, все это должно было ослабить нежитя. Просчитался...

¹ *Послушник* – в русских православных монастырях – человек, который только готовится к принятию монашества. Послушники не дают монашеских обетов и не принадлежат к монашескому братству в полной мере. (Здесь и далее примечания автора.)

– Хватит бегать, парень! – мерзко захихикал дед. – Некуда бежать тебе.

«Прав нежить», – подумал Арсентий, пятясь. Выйти из часовни не получится, он сам велел местным запереть двери тяжелым брусом и не отворять до рассвета, что бы ни произошло. Длинным прыжком послушник преодолел расстояние до входа, выхватил из прислоненных к косяку ножен меч и направил в сторону мертвого деда, правда, без особой надежды – не тот случай, когда сталь поможет.

Конечно, если бы это был простой неупоконный, можно было бы побегать кругами до первых петухов, тем более светает сейчас рано. Но этот вурдалак не простой – при жизни дед был колдуном, а перед смертью не успел никому передать свою силу. Если до утра третьего дня после смерти с ним не справиться, он не уснет, а наоборот, станет еще сильнее.

Одним взмахом вурдалак отбросил далеко в сторону столик с книгой. И вновь очень быстро бросился на послушника. Арсентий увернулся, отскочил вправо и со всей силы вмазал мечом по голени деда – не только не прорубил, тот даже не заметил, а клинок разлетелся на куски, лишь рукоять в руке осталась. Вурдалак развернулся, зарычал и вцепился в плечи Арсентия. Рывком приподнял послушника, сдавил с обеих сторон – аж кости захрустели – и потянулся оскаленной пастью к шее.

Но тут у нежити вышла неувязочка – как только клыки пропороли платок, они коснулись воинской гривны, серебряного витого ободка на шее Арсентия, единственной его памяти о молодости в дружине. Дед резко отстранился и отбросил от себя послушника, зашипев при этом от сильной боли. Арсентий не стал ждать – высоко подпрыгнул и обеими ногами врезал в грудь противнику. Опять как в камень, но вурдалак все же не устоял, отлетел в сторону и завалился на спину. При падении он, правда, снова успел вцепиться в плечо послушника, увлек за собой. Арсентий из-за этого не смог упасть мягко, как умел, а со всей дури грохнулся на пол и почувствовал, что теряет сознание.

Уже не совсем понимая, что делает, послушник махнул рукой с зажатым в ней колом, воткнул в правое плечо вурдалака. Разумеется, не убил, для этого надо в сердце попасть, но тут же перекинул в левую руку молоток, быстро и сильно ударил несколько раз. Кол пробил тело насквозь и со скрежетом вошел в доски, прибив деда к полу.

Вурдалак отбросил послушника в сторону, схватился за деревяшку, торчавшую из тела, и медленно потянул, пытаясь освободиться. Арсентий, не теряя времени, рванул туда, где на полу валялись обрывки цепи. Схватил один из них, вернулся к деду, обвил ему шею на манер удавки. Серебро врезалось в плоть мертвяка, принося ему дикую боль – он опять принялся орать и биться. А потом вурдалак рывком сорвал с послушника гривну, двумя руками вцепился в горло, сжал, перекрывая дорогу воздуху. Арсентий попытался вырваться, но ничего не вышло. Тогда он собрал все силы и потянул в стороны концы цепи. Серебряные звенья глубоко вгрызлись в мертвую плоть, но в глазах послушника потемнело от удушья, а в висках застучали кузнечные молоты.

* * *

Когда в селе заголосили первые петухи, местный староста подошел к дверям часовни и долго вслушивался, пытаясь понять, что происходит внутри. Приезжий послушник, конечно, обещал успокоить мертвого колдуна, но кто его знает, вышло ли у него. Может, лучше подпалить тут все от греха подальше? Но потом староста все-таки решил и кивнул остальным.

Подбежавшие крестьяне отперли двери и с копьями наперевес осторожно заглянули внутрь.

– Слышь, православные, – раздался из полумрака хриплый голос брата Арсентия. – Пошлите кого-нибудь, пусть медовухи принесут.

Он вышел на солнечный свет и без сил опустился на завалинку неподалеку. Слегка прищурился, с блаженной улыбкой смотрел вокруг. Когда прибежавший из деревни парнишка принес запотевший кувшин, послушник с непередаваемым удовольствием отхлебнул горьковатого напитка. Теперь еще в баньку, а потом зарыться с головой в ароматное сено да проспаться до завтрашнего утра.

– Доброго дня! – К Арсентию подошел незнакомый священник примерно его возраста, очень благообразный, высокий и худощавый, с тонким изящным лицом. – Насколько я понимаю, это тебя называют мастером по нечисти?

«Ишь, как чешет! – Послушник разглядывал гостя с любопытством. – Как пить дать, из недавних книжников², знакомая порода».

– Брат Арсентий, послушник из Богоявленского монастыря, – представился он и отставил кувшин.

– Отец Сафроний, настоятель церкви в селе Уголье, – ответил священник. – Это в десяти верстах отсюда. Мне срочно нужна помощь.

– Очень срочно? – нахмурился Арсентий. Неужели баньку и сеновал придется отложить?

– У нас мертвецы из могил пропадают. Сегодня ночью шестой. И я боюсь, что уже поздно.

– Ага, скорее всего, поздно. – Арсентий хлопнул себя по бедрам и поднялся на ноги. – Поехали, по дороге расскажешь.

* * *

Послушник присел на корточки возле разоренной могилы в надежде по следам понять, что же здесь случилось ночью. Но мощный ливень, подкарауливший их на середине пути, уже успел превратить землю в бурю грязь. Арсентий с обидой посмотрел на небо – почти месяц ни капли, а тут словно небесную твердь пробили.

Он обошел могилу кругом, потом спрыгнул вниз. Потрогал пальцами раскуроченную крышку гроба – как и говорил священник, выглядит так, будто кто-то очень сильный вначале пробил верхнюю доску в середине, а потом ломал на щепки.

– Когда, говоришь, началось это?

– Два месяца назад, аккурат в полнолуние. – Отец Сафроний с интересом следил за действиями послушника.

Арсентий опустился на колени, наклонился вперед, заглянул под крышку гроба. Резко отпрянул – большая темно-зеленая лягуха, спрятавшаяся внутри, громко квакнула прямо в лицо.

Сплюнув от досады, брат Арсентий снова наклонился и прищурился. И увидел намокший клочок темно-бурой шерсти, застрявший в щели. Аккуратно вынул, рассмотрел, потер в пальцах, понюхал. Задумчиво потрогал длинный шрам на лбу – неужели опять? Потом провел рукой по четырем глубоким бороздам на стенке гроба, и лицо его потемнело.

– Руку дай. – Арсентий схватился за протянутую ладонь, с небольшим усилием выбрался на поверхность по скользкой от дождя земле, отряхнул испачканные полы рясы.

– Я сперва подумал, что кто-то залез ради поживы, – продолжил батюшка. – Там Васька Жигун лежал, барышник³. Перед смертью с торга вернулся, отмечал, да по пьяному делу с лестницы упал. Но зачем тогда тело забирать? Я и решил никому не рассказывать пока, чтобы селян не пугать, сам могилу зарыл и службу заново провел.

– А этот кем был? – Арсентий указал на яму.

² Книжник – в Средневековой Руси священник, обучавшийся в школе при монастыре по церковным книгам.

³ Барышник – мелкий торговец (устар.).

– Егорша, пастух. Три дня как схоронили. Стадо пас над рекой, с обрыва свалился и шеею свернул.

– Кто-нибудь видел это?

– Только сын его, Миклоха, но он юродивый.

– Ладно, хватит мокнуть. – Арсентий зябко повел плечами. – Найдется у тебя чем согреться?

Они прошли по размокшей тропинке к небольшой церкви. Священник приглашающе распахнул дверь пристройки, служившей ему домом. Арсентий вошел, перекрестился на иконы, с удовольствием прижал озябшие ладони к теплым кирпичам печи.

– А когда второй случай был?

– На следующую ночь после первого. – Батюшка вынул из печи горшок с горячей водой, покопался в берестяных коробочках на полке. Сыпанул в кипяток с полпригоршни трав – по дому разлетелся аромат лесных ягод и полевых цветов, – накрыл крышкой и присел на лавку у стола, заваленного книгами и свитками. – А в следующее полнолуние еще трое. Все умерли накануне и не своей смертью. Ну и вот сегодня.

Священник налил отвар в большие кружки, одну протянул гостю. Арсентий хотел намекнуть, что под словом «согреться» имел в виду иное, но обижать хозяина не стал. Тем более, на вкус напиток оказался очень недурственным, а по телу растеклось приятное тепло. Даже в сон слегка потянуло, все-таки вторые сутки на ногах.

– Добро. – Арсентий потер глаза и поднялся на ноги. – Дождь стихает, не будем расслаиваться. В селе есть кто оружие держать умеет?

– Тут пограничье, в каждом доме копьё наготове. – Отец Сафроний увидел, как скривил лицо послушник, и быстро добавил: – С год назад князь прислал воев, заставу срубили. Три десятка парней и старшина. Чтобы, стало быть, было, кому границу оборонять, если степняки опять нагрянут.

– Вои – это хорошо. Ночью его ловить будем.

– Кого?

– Волколюда.

– А это что ж за напасть? – Батюшка перекрестился.

– Волколюд, он же оборотень. Сегодня у него седьмая ночь, получается. Если еще одно сердце сожрет, в полную силу вступит, и тогда нам крепко не поздоровится. – Арсентий снял плащ с крючка. – Покажешь, как заставу найти?

* * *

– В последние дни еще кого-нибудь хоронили? – продолжил брат Арсентий, когда они вышли на дорогу.

– Нет, все живы, слава богу!

– Странно. Он их для этого заранее готовил, чтобы в нужный момент промашки не вышло, потом приходил и сердца жрал. А в этот раз почему-то не подготовился.

– Ох, отзовут меня отсюда после такой истории! – вздохнул Сафроний.

– Это не самое страшное, что случиться может. Да и что ты так волнуешься? Не лучшее место для жизни.

– В этом-то и дело. – Отец Сафроний обходил лужи, подобрав полы рясы. – В эти места слово Христово недавно пришло. Собственно, я второй священник, который в этом селе служит.

– Как так? – удивился Арсентий.

– Да везде одна история – в городах все крещенные, а по лесам волхвы сидят, старым богам служат. Народ к ним и ходит – кто тайно, а кто не прячась. А уж на праздниках бесовских что творится – князья и воеводы огненные колеса катают да цветок папоротника ищут.

– Это да, – согласился послушник. – Язычество сильно еще по всей Руси.

– В этих местах оно особо сильно, – продолжил священник. – Пограничье. Здесь люди идут за тем, от кого верней защиты от Степи ждут. Лет пятнадцать назад половцы большой силой приходили, так местный батюшка просто сбежал. Зато волхв в первых рядах рубился.

– А здесь и волхв есть? – присвистнул брат Арсентий.

– Да, у него капище в дубраве неподалеку.

– Что-то ты, батюшка, об этом больно спокойно говоришь.

Брат Арсентий хотел продолжить, но взгляд его упал в сторону реки, и от открывшегося вида перехватило дух. Дождь закончился, солнечный свет яркими лучами струился через прорехи в тучах. Могучий поток нес воду неторопливо и величественно, а далеко на юге с берега на берег разноцветным рушником перекинулась радуга.

– Да, красота этих мест – еще одна причина, по которой я не хотел бы уезжать. – Отец Сафроний остановился рядом с Арсентием.

* * *

Арсентий не сразу понял, что его смущает – вроде обычное село, каких множество раскидано по русским землям. Дома-пятистенки из толстых бревен с заросшими травой крышами. Крапива и лопухи вдоль дороги, березы и осины тихонько шелестят ветвями, чуть поскрипывает на ветру журавль колодца. И пахнет как обычно – свежим хлебом, сухим сеном, цветами и коровьим навозом. Но чего-то не хватает.

– А почему собаки не лают? – вдруг понял он.

– Не осталось собак, по весне все сгинули. Даже те, что на цепи сидели, сорвались.

– Понятно. Собаки волколюда на дух не переносят. Сильный он, видать.

В селе царило оживление – крестьяне, как только дождь закончился, поспешили вернуться к работе. Кто-то гнал коров и овец, посвистывая и щелкая кнутами. Другие, закинув на плечо косы и грабли, шли в поле. Третьи занимались своими делами во дворах. Арсентий прикинул – в селе более тридцати домов, значит, до двух сотен душ. И жизнь каждого зависит от того, получится ли справиться с волколюдом.

– Вон там застава, уже не заблудишься. – Отец Сафроний показал на деревянные стены. – Я с тобой не пойду. Обещал зайти к Зимаве – это сестра Егорши, который сегодня... ну, лежать перестал.

– Добро, – согласился Арсентий. – Там и найдемся.

Подойдя поближе, Арсентий оглядел стены знающим глазом – на совесть рубили. Вроде бы невысокие, но с налету не взять, тем более степнякам, привыкшим к быстрым наскокам. А с верхушки сторожевой башни округа как на ладони – если придет враг, заранее увидят и людей укрыть успеют. А вот с несением службы тут было не очень. Четверо крепких парней лет семнадцати-восемнадцати расселись около ворот на чурбанах, копья и щиты прислонили к стене, что-то обсуждали со смехом и прибаутками.

Парни откровенно бездельничали, и послушник вздохнул, предвидя, что его сейчас может ожидать. С тех пор как он надел рясу, Арсентий стал привлекать внимание красивых женщин, которых очень расстраивало, что мужественный послушник не поддается их чарам. И вот таких вот крепких молодцов, которые думали, что за его счет можно самоутвердиться, показать свое превосходство.

Несмотря на то что священников на Руси уважали, монахов и послушников не привечали. Сидят, мол, за монастырскими стенами, не сеют, не пашут, на врагов не ходят, только молятся.

Но хочешь не хочешь, а мимо скучающих хоробров⁴ пройти никак не получится. Арсентий уверенным шагом двинулся вперед, стараясь не встречаться с ними глазами, чтобы не восприняли это как вызов. Не помогло.

– Слышь, дрозд, ты, кажись, заплутал? – с улыбкой поднялся на ноги самый молодой, расправил плечи. – У нас тут не монастырь, а застава. Тут настоящие мужчины обитают.

– Старшина здесь?

– Эй, Усыня, а посмотри-ка, правду ли говорят, что они, как рясу наденут, ниже пояса в девок превращаются? – со смехом предложил один из товарищей.

– А что, дельная мысль, – оскалился Усыня. – Давай, монашек, рясу-то задирай.

Он ухватился за подол и потянул вверх, продолжая смеяться. Перестал, когда послушник резко хлестнул его по запястью.

– Я не монах, я послушник, – произнес Арсентий жестко, глядя прямо в глаза Усыни.

– Ого! Глядь, парни, а дрозд-то не из трусливых! – Левой рукой Усыня схватился за ворот арсентьевой рясы, стал накручивать ткань на кулак, правую занес для удара.

Арсентий опять вздохнул – не хочется, но раз по-другому не понимает... Быстрым движением выстрелил правым кулаком в живот парня, и тот принялся хватать ртом воздух. Носком сапога послушник подцепил ногу противника, резко дернул вверх, и Усыня завалился спиной в лужу, подняв тучу грязных брызг.

Товарищи упавшего в ту же секунду оказались на ногах, окружили. Арсентий про себя отметил, что бойцы хоть и имеют некоторую выучку – в тиски взяли грамотно, – но явно не дружинного уровня. Крепкие, быстрые, но двигаются без нужной легкости.

Парни бросились почти одновременно. Но Арсентий в тот же миг сместился левее, коротким ударом в кадык вывел из дела первого. Схватил его за кожаный пояс, крутанул вокруг себя, толкнул навстречу двум другим. Сократил расстояние до второго, увернулся от кулака, одновременно влепил ладонью по затылку и подставил подножку, парень перекувырнулся и упал лицом в грязь. Послушник обернулся к последнему, но чуть-чуть опоздал – тяжелый кулак вмазал в левую скулу с такой силой, что Арсентий отлетел на шаг в сторону и с трудом устоял на ногах. Встряхнул головой, готовясь к новому броску...

– А ну-ка, что тут происходит? – раздался со стороны ворот мощный голос. Мужчина богатырского сложения смотрел на происходящее с неодобрением. Лицо его по самые глаза покрывала густая борода, зато на голове, наоборот, не росло ни волосинки.

– Так это, дядька Ставр, – начал оправдываться оставшийся на ногах. – Мы тут потешились чуток.

– Цыц, лагодник⁵! – Богатырь подошел, внимательно глядя на Арсентия, широко улыбнулся и заключил послушника в объятия. – Нашли с кем потеху устраивать! С ним не то что вы, туесы⁶, – я бы поостерегся драться.

Старшина отпустил Арсентия, посмотрел уже серьезно.

– Не думал я, что еще свидимся, Яромир. Мы ж тебя схоронили тогда.

– Зови меня лучше Арсентием. В монастыре мы от языческих имен отказываемся. Только теми зовемся, что при крещении дали. Да и не принесло мне счастья то имя, сам знаешь.

⁴ Хоробр – храбрец, или удалец (устар.).

⁵ Лагодник – бездельник, лентяй.

⁶ Туесы – бестолочи, обалдуи (разг.).

* * *

– Я и не помню, как из Рязани ушел. – Арсентий глотнул ароматную гречишную медовуху. – В себя пришел дня через три. Не сразу понял, где вообще нахожусь.

– А что потом не вернулся? – Старшина задумчиво крутил кружку в руках.

– Да как представляю, что мимо пожарища идти придется, – ноги сами в другую сторону поворачивают.

– Морду тебе там опалило? – Ставр указал на ожог на левой щеке Арсентия.

– Там, да. Когда дом уже рушился. – Он на секунду задумался, потом махнул рукой. – Да ладно, это дело бывшее. Ты-то как тут оказался?

– Князь вот честь оказал, – ухмыльнулся Ставр и потер ладонью лысину. – Посадил рубеж стеречь.

– С чего это он вдруг? Ты же у него вроде среди первых ходил?

– Ходил, было. – Старшина тяжело вздохнул. – Сплоховал я, братец, с пару лет назад. Отряд в степь повел, да в засаду угодил. Парней потерял, сам в плену оказался. Хорошо, гонца к своим послать успел – выручили. Но князь шибко осерчал на меня.

– Ну, границу беречь – дело тоже почетное. Глядишь, и вернешь его доверие.

– Почетное, ага. А как степняк придет, кого я в бой поведу? – Старшина с досадой хлопнул кулаком по столешнице. – Три десятка парней дал всего, да и те дурные, крови не видавшие. Кто от сохи, кто из мастеровых.

– Так обучи их, ты же умеешь.

– Учю, знамо дело, да без толку. Ты сам видел. Воина надо с юности растить, а лучше с детства, как нас с тобой когда-то. Ничего, я уже придумал кое-что. Ты рассказывай, что в этих краях забыл?

Арсентий покатал во рту горьковатый напиток, проглотил.

– Тут опасность похлеще степняка пришла. Волколюды в селе завелся.

– Точно знаешь? – Ставр посмотрел недоверчиво. – И что делать думаешь?

– Поэтому к тебе и пришел – один не совладаю. – Арсентий сложил руки на груди. – До ночи опасности нет. А вот как стемнеет, он на охоту выйдет. Можешь клич пустить, чтобы селяне по домам заперлись?

– Так, может, всех на заставе укрыть?

– В домах безопасно, в дом он сам не войдет. Если не пригласить, порог переступить не сможет.

– Лады, сделаем.

– И еще – парни твои мне очень нужны.

– Ловушку на волка решил поставить? – Глаза Ставра азартно заблестели. – Все как в старые времена. Живешь себе спокойно, а потом приходит Ярема – и понеслась потеха. Говори, что делать.

– К закату будьте наготове. А я пока еще пооглядываюсь.

* * *

Дом пропавшего из могилы пастуха стоял на окраине – Арсентий нашел его по описанию Сафрония. Небогатый домик, но опрятный – сразу за калиткой раскинулся садик с яркими цветами, чистенькая тропинка вела от дороги к дверям.

Возле стены сидел мальчишка лет десяти, строил что-то из еловых чурок, не глядя вокруг и не замечая гостя. Арсентий направился к дверям и уже потянулся к ручке, но услышал внутри

знакомый тихий голос. Хотел окликнуть священника, потом разобрал слова и решил не спешить.

– Зимава, прошу тебя, бери мальчонку и уезжай. Прямо сейчас.

– Не могу я, ты же знаешь, – пропел мелодичный голос.

– Тогда спрячьтесь. Мне пришлось сюда мастера по нечисти привезти, из Богоявленского. А то потом правда наружу выплывет, и люди спросят – почему ничего не делал. И что я отвечу?

– Может, тогда лучше ему все рассказать?

– И ты думаешь, он охотиться не станет?

– Я не хочу больше с тобой спорить – делай что знаешь.

Брат Арсентий отступил на пару шагов и, когда на двор вышла молодая женщина с длинной косой и траурным убором на голове, сделал вид, что только подходит.

– Здравствуй, хозяйюшка, – поклонился послушник.

– И тебе здоровья, божий человек. – Она посмотрела на Арсентия, и его сердце забилося быстрее, столь глубокими были ее глаза цвета весенней листвы.

– Отец Сафроний здесь?

– Да, сейчас выйдет. – Она присела на скамейку, достала из мешка наполовину законченный вышивной платок, нитки и иглу. Умелыми движениями стала покрывать ткань тонким узором. Арсентию показалось, что этот рисунок он уже где-то видел, но вот где именно, вспомнить пока не смог.

Священник вышел из дома без рясы, в рубаше, с ног до головы перемазанный сажей. Кивнул Арсентию, направился к стоящей у стены бочке с дождевой водой. «С печкой помогал», – пояснил он на ходу.

– Зимава, можно я с мальчонкой поговорю?

– Попробуй, – пожала она плечами. – Только он почти не разговаривает, тем более с чужими.

Послушник присел на корточки рядом с Миклошей, мастерившим из чурбачков то ли город, то ли крепость. Казалось, мальчик не видел ничего вокруг. Арсентий попробовал позвать по имени, но тот не отреагировал. Тогда послушник залез в холщовую сумку, переброшенную через плечо, достал замотанную в тряпочку свирель из рябины, заиграл тихую мелодию. Вначале мальчишка не обращал внимания, но потом поднял вихрастую голову, посмотрел на послушника. И улыбнулся – широко, искренне, во весь рот.

– Красиво! – говорил он как будто через силу.

– Нравится? – Послушник опустил свирель. – Хочешь, научу?

– Хочу.

– Договорились, – тепло улыбнулся Арсентий в ответ. – А ты мне расскажешь, что случилось, когда ты отца своего в последний раз видел, идет?

Глаза мальчонки расширились, и послушник испугался, что тот опять замолчит.

– Я обещал, что никому не скажу.

– Мне можно. Мы же друзья, да?

– Да, – не сразу, но все-таки согласился Миклоша. – Он сказал, что забрал батю в Ирий. И ему там хорошо. Он сказал, что и меня потом в Ирий заберет. И что мне там тоже будет хорошо.

– Кто он? Ты его видел раньше?

– Видел. У него голова светлая.

– А где ты его видел? Здесь или в лесу?

– Видел, – повторил мальчик. – А он меня правда в Ирий заберет?

– Это мы еще посмотрим. – Арсентий потрепал Миклошу по макушке. – А ты видел, как он батьку твоего забрал?

– Они разговаривали. Смеялись. Потом он мне ворона показал на дереве – большой ворон был. А потом бати уже не было. А он сказал, что батю в Ирий забрал.

– А потом ты его встречал?

– Когда батю закапывали. Голова светлая.

– А после? – Но мальчику разговор явно наскучил. Глаза его вновь потухли, струйка слюны потекла из уголка рта. Арсентий встал и вернулся к хозяйке и отцу Сафронию, уже закончившему приводить себя в порядок.

– Зимава, на похоронах Егорши много народу было?

– Нет, все же работали. Мы вдвоем да сосед – кузнец наш, Местята. Я его с могилкой помочь просила.

– А рядом с погостом никого не видели?

– Никого. Только когда обратно шли, воев наших встретили, старшина их гонял неподалеку.

– Волхв был, – шелкнул пальцами отец Сафроний. – Я еще удивился, чего это он из лесу вышел. За оградой стоял, когда я заупокойную читал.

– А потом куда делся?

– Не заметил. Когда мы могилу зарыли, его точно не было.

– Надо бы навестить волхва вашего. – Арсентий вновь задумчиво разглядывал работу девушки. Потом его осенило: – Красиво вышиваешь, Зимава. Учил кто-то?

– Бабушка, царство ей небесное.

– А давно твоя бабка преставилась?

– После Рождества. – Она подняла испуганные глаза.

– А попить перед смертью не просила?

Рука девушки дрогнула, иголка вонзилась в палец левой руки.

– Просила, – ответила она совсем тихо.

– И ты ей дала?

– Зачем спрашиваешь? Знаешь же, что дала.

– Знаю, – ответил он, отворачиваясь. – Ты мне про бабушку свою потом поподробней расскажи. Да и про себя тоже.

* * *

Брат Арсентий задумчиво посмотрел на небо, уже полностью очистившееся от туч. Солнце начало спускаться от зенита, и до заката времени оставалось не так много – надо бы поторопиться. Но, услышав чуть в стороне звонкое постукивание молотка о наковальню, уверенно двинулся туда.

– А мы разве не в лес? – удивился отец Сафроний.

– И в лес тоже, – согласился Арсентий. – Но сперва к кузнецу заглянем.

Кузня стояла на самом отшибе, подальше от людей. Их всегда ставят в стороне – и чтобы людям звоном не мешать, и потому, что в народе кузнецов порой считают колдунами. Они с металлом договариваются, слова тайные знают – а значит, лучше к ним не приближаться, если дела нет.

Местяту они увидели еще на подходе – остужал в чане с водой только что законченную подкову. Выглядел он внушительно – невысокий, зато с широченными плечами, могучими руками и гривой льняных волос, подвязанных на лбу кожаной лентой. Отбросил подкову в кучу таких же, отер пот со лба тыльной стороной ладони.

– Бог в помощь, мастер! – махнул рукой послушник.

– И тебе всего хорошего! – Кузнец посмотрел из-под насупленных бровей. – Ищешь чего?

– Да, дело есть. – Арсентий вынул из сумки порванную вурдалаком цепь, положил на наковальню. – Починить сможешь? Я заплачу.

Кузнец наклонился, посмотрел и помотал головой.

– С серебром не работаю.

– Что же так? – полушутливо уточнил Арсентий.

– Я по железу мастер, – пожал плечами Местята. – К серебру своя наука нужна, я не обучен.

– Ну, нет так нет. – Послушник убрал цепь обратно, развернулся, а потом бросил через плечо.: – А что же ты, мастер, креста на шее не носишь?

– Креста? – не понял вначале кузнец. – Так я же у горна работаю. Металл нагревается, ожоги оставляет.

– Ага. Ну, Бог в помощь, мастер!

* * *

Проводником отец Сафроний оказался неплохим – тропу, ведущую в дубраву, нашел сразу и по лесу шел уверенно. Он явно хотел что-то спросить, но духу набрался только уже в тени деревьев.

– А вот этот волколюд – это вообще что такое?

– Они разные бывают, – ответил Арсентий после паузы. – Одни в полнолуние обращаются в обычного волка. А если укусят кого, но не до смерти, тот сам оборотнем станет. Этих победить не особо сложно, если знаешь как.

– А наш не такой?

– Наш похлеще будет. Из тех, кто по своей воле изменился, обряд прошел у очень сильного колдуна. Если он потом семь человеческих сердец сожрет под полной луной, то сможет оборачиваться, когда захочет. И в человеческом обличии намного сильнее станет, а уж в зверином виде...

– И что он может натворить?

– Ты про город Войтынь слышал когда-нибудь?

– Нет.

– И не услышишь уже. А там почти четыре тысячи жило. Князь с дружиной, хоть и небольшой. А потом завелось три вот таких волколюда.

– И что дальше было?

– Когда мы с братьями приехали, в городе уже не было ни жителей, ни дружины, ни князя. Нас было двенадцать, все не первый раз с нечистью схлестывались. Вернулись втроем. Да и то, – он указал на шрам на лбу, – у меня теперь на лице и груди отметины, а товарищ мой руки лишился.

– А с городом что стало?

– Спалили мы город, уходя. На всякий случай. – Арсентий запрыгнул на дерево, упавшее поперек тропы. – Далеко еще?

– Пришли почти. – Батюшка указал вперед. – Вон просвет между деревьев, там он и обитает.

Впрочем, Арсентий уже и сам догадался, что они подходят – потянуло смолистым дымом. Вскоре они вышли на широкую поляну, посреди которой стояло небольшое строение в окружении идолов, вырезанных из дерева. Самый большой истукан – с железной палицей в руках и посеребренными усами – установлен был впереди остальных. И вырезан был так умело, что Арсентия даже слегка передернуло от того, насколько живым казался его взгляд. А на макушке истукана сидел большущий ворон с перламутровыми глазами. Сидел не шевелясь, как будто был частью изваяния, но, увидев чужих, быстро защелкал клювом.

Дверь строения – то ли дома, то ли маленького храма – скрипнула, и оттуда выглянул высокий старик с резным посохом в руках. Возраст его определить было сложно – от семидесяти до ста тридцати. Седые волосы перехвачены на лбу вышитой лентой, борода ниже пояса, поверх льняной рубахи безрукавка из шкуры волка. Левый глаз закрыт бельмом, зато правый полыхает ярким огнем.

– А вы здесь что забыли? – прокаркал дед.

– Старче, поговорить надо! – начал было Арсентий.

– Ужо я тебе! – Волхв пригрозил посохом. – Пошли отсюда, лиходеи!

– Дед Рычан, в селе волколюд объявился. – Отец Сафроний шагнул вперед. – Ну, так брат Арсентий считает. Ты ничего не знаешь об этом?

Старик подошел поближе, посмотрел на Арсентия так, словно пытался глазом рассечь на части.

– Ты что за гусь перелетный?

– Я, отец, мастер по нечисти. – Послушник не отвел взгляда.

– Маааастер? – переспросил волхв, расширив глаз, а потом ехидно захихикал. – А ты веселый!

– Ты давай говори, что про оборотня знаешь!

– А ты что знаешь?

– Пока немного. Но сдаётся мне, что без твоего участия не обошлось.

– Дурень ты потому что, – досадливо сплюнул старик. – Уходи. А лучше – уезжай, пока цел.

– Ты меня, никак, пугать вздумал, дед?

Волхв подошел к истукану, погрел руки над огнем, приложил их к статуе и замер, закрыв глаза. Арсентию показалось, что воздух вокруг старика слегка затрепетал.

– Всё, закончен наш разговор. – Дед развернулся и скрылся в темноте храма. Послушник бросился за ним, открыл нараспашку дверь – и неведомая сила шибанула в грудь так, что он отлетел на несколько шагов назад и больно ударился спиной о ствол дерева.

* * *

Всело они вернулись в сумерках. Всю дорогу Арсентий обдумывал то, что узнал. Кто же тот светлоголовый, про которого говорил мальчишка? Как ни крути, других подсказок нет. Получается, что тот, кто убил – «забрал в Ирий» – пастуха Егоршу, и есть неизвестный злодей. Но кто?

Купец Жигун незадолго до того приехал с торга. Вполне мог уже с проклятием приехать, а потом, после смерти, встать уже в виде твари – бывали и такие случаи. На похоронах Егорши его, правда, не видели. Но вряд ли он стал бы показываться всем – а вот Миклоши ему бояться незачем.

– А ты не помнишь, какого цвета волосы были у Жигуна? – обернулся Арсентий к батюшке.

– Помню. Русые, седых много.

Ага, и тут сходится. Далее – кузнец Местята с льняными волосами. Крестик не носит – это, конечно, ничего не означает, погост вон около церкви расположен, значит, крест волколюда не пугает, древнее его сила. А вот то, что кузнец серебро в руки не берет, примета вернее. И, конечно, волхв. Волосы седые, с безбожными силами знается. Опять же, ворон, которого неизвестный показывал Миклоше – у старика на истукане сидела именно такая птица, да и всем известно, что волхвы ручных воронов любят. И про Ирий мальчик упоминал – а это прямое указание на деда, уж кому говорить о языческом рае, как не ему. Получается, он наиболее вероятный волколюд. И самый опасный.

– Ты, святой отец, запишись-ка сегодня в церкви понадежнее, – посоветовал брат Арсентий, когда они подошли к погосту. – Ночь непростая предстоит.

– Угу. – Батюшка продолжил идти рядом.

– Ты это чего? – удивился послушник.

– Хочешь сказать, что мою паству там резать будут, а я в церкви укроюсь?

– И чем ты поможешь? В бой пойдешь?

– Если надо, пойду.

Арсентий задумчиво посмотрел на него, потом пожал плечами и пошел дальше.

* * *

– Значит так, хоробры. – Арсентий, сменивший рясу на темную стеганку из грубой ткани, осмотрел стоящих перед ним парней. – Если хотите дожить до утра, делать только то, что я велю. Это понятно?

Парни недоуменно переглядывались в свете факелов, которые держали в руках. Старшина Ставр вышел вперед, поднял пудовый кулак.

– Сегодня старший над всеми нами послушник, – показал пальцем на Арсентия. – Только он знает, на кого мы охотимся. Так что все его слушаем. Поняли?

Парни закивали, всем видом показывая, что и так были не против.

– В одиночку с волколюдом не справится никто, – продолжил послушник. – Так что храбрость свою показывать не стоит. Самое главное – не дать ему сожрать чье-нибудь сердце. Поэтому, если он кого-то завалит, остальные продолжают биться, пока мертвого в сторону не оттащите. Это усекли?

Они опять закивали, но вот в том, что они в сложную минуту не забудут наказа, Арсентий уверен не был.

– Последнее. Волколюд не переносит двух вещей – огня и серебра. Так что надевайте все серебряные цапки, у кого что есть. И без факелов не соваться. Наше дело – выяснить, кто это, и днем схватить. Победить ночью я особо не рассчитываю.

– Ну это мы еще посмотрим, – потер кулак Ставр.

– Святой отец, раз ты здесь, – Арсентий повернулся к Сафронию, – благослови всех нас. Божья помощь нам пригодится.

Священник по очереди возложил руку на голову каждого, шепча молитвы. Потом парни разошлись по своим местам на стенах, а Арсентий со Ставром поднялись на верхнюю площадку сторожевой башни. Как раз в это время на небо вышла луна – висела как наливное яблоко на ветке. Вокруг царила гулкая тишина, прерываемая только редкими звуками со стен да потрескиванием факелов.

– Глянь, что это там? – Старшина указал пальцем в сторону домов, где по воздуху плавал огонек. Словно светлячок, но значительно крупнее, он то слегка опускался, то чуть поднимался. – Пошли посмотрим, а?

– Лучше бы с заставы не выходить.

– Да ладно тебе, Ярема, – старшина ткнул Арсентия в бок, – неужели испугался? Эх ты, мастер по нечисти.

– Это кто тут испугался?

Сжимая копьё, они медленно и бесшумно крались вдоль стен домов. Странный огонек должен был быть где-то здесь. Осторожно заглянув за очередной угол, Арсентий поднял руку, знаком показал – тут. Потом склонился к самому уху старшины.

– Я отсюда иду, ты дом обходишь. Пробуем с двух сторон взять.

Старшина совершенно беззвучно, что незнакомому с ним человеку было бы сложно ожидать от мужчины таких размеров, скрылся в темноте. Послушник подождал немного, коротко

выдохнул и обогнул угол, прижимаясь плечом к стене. Огонек был там, парил в воздухе. Присмотревшись, Арсентий понял, что спиной к нему, шагах в десяти, стоит Перунов жрец, а светится наверху его посоха, которым дед водит из стороны в сторону.

Первым порывом Арсентия было броситься на старика, схватить и повязать. Но он сдержался – стало интересно, что же тот будет делать дальше. Но дед вдруг замер, а потом, не поворачиваясь, проскрипел:

– У тебя, гусь перелетный, с чем плохо – со слухом или с понималкой? Сказано тебе было – уходи из села. Не сможешь ты победить, нет у тебя сил для этого.

– Ну это мы еще посмотрим! – Арсентий хотел что-то добавить, но крик, раздавшийся в темноте, поменял его планы. Стараясь не выпускать старика из виду, послушник отошел за угол, а потом повернулся и помчался со всех ног туда, откуда кричали, так что в стороны полетели брызги от луж.

Но когда добежал, понял, что опоздал – возле кузни, сжимая в руке копье, на земле лежал кузнец Местята с разорванным горлом. Арсентий бросился к убитому, на ходу заметив краем глаза, что в темноте промелькнула бесформенная фигура.

– Что ж тебе, мастер, в доме-то не сиделось? – Арсентий опустился на колени рядом с убитым. Никаких сомнений – работа оборотня. Кадык выдран одним рывком, а копье чистое, не достал кузнец врага. Проверил – грудь целая. Значит, не успел зверь полакомиться пока, осторожничают. И он где-то рядом.

Из-за угла дома, подсвечивая себе путь, вышел волхв, остановился в десяти шагах, перехватил посох на манер копья.

– Не дергайся, парень, хватит глупостей на сегодня.

– Хорошо, старче, как скажешь. – Послушник постарался незаметно изменить положение тела так, чтобы быть готовым прыгнуть в любой момент. – Может, все-таки объяснишь, что тут происходит?

– Объяснил бы, да ты не поймешь.

Старик стоял, покачивая посохом. Но Арсентий смотрел не на него, а на Ставра, который подкрадывался к волхву сзади, приложив палец к губам. Эх, ничего не получится – у этого деда слух, похоже, как у нетопыря.

– Дед, а дед! – заговорил послушник громче. – А скажи, зачем тебе тела мертвые? В жертву бесам приносишь, которых ты своими богами называешь?

– Ты моих богов не тронь!

Чего же он ждет? Как будто высматривает в темноте что-то. Ставр уже почти подкрался, еще пару шагов ему до рывка.

– Не, дед, правда – ты же слышал, что когда твоего Перуна в Днепр бросили, так демоны с визгами разлетались.

– А ну-ка цыц! Не мешай.

И тут Ставр прыгнул вперед. Ударил кулаком в ухо, отшвырнул деда в сторону, выдернул из руки посох и с хрустом, как соломинку, переломил пополам.

– Ну вот так, – криво улыбнулся старшина, отбрасывая обломки. – Хватит, дед, отколдовал свое.

* * *

Подходя к воротам заставы, Арсентий подумал, что со стороны их группа смотрится крайне нелепо. Первым шагал Ставр, взваливший на плечо тело кузнеца, за ним связанный волхв с кляпом во рту. Замыкал послушник с тремя копьями на плече, с ног до головы измазанный грязью и с руками, покрытыми кровью убитого Местяты.

Вои, не ожидавшие увидеть такое зрелище, от удивления забыли, что им велено было сделать. Сгрудились в кучку, обсуждали происходящее. Старшина положил убитого возле стены и повернулся к ним.

– Цыц, лагодники! Нашли забаву. Усыня!

– Я! – подскочил к старшине знакомый по дневной стычке парень.

– Деда отведи ко мне. Попозже с ним поговорю.

– Может, лучше в поруб⁷?

– Я тебе что делать велел? – рявкнул староста.

– Ты чего на парня набросился? – Арсентий подошел и хлопнул Ставра по плечу. – Пускай в поруб отведет, там надежнее.

Староста оглядел двор, потом махнул рукой и отошел в сторону. Арсентий смотрел ему вслед, и какая-то мысль, бившаяся в глубине головы, не давала послушнику покоя. А потом он обратил внимание, как отсвет факелов играет на вспотевшей лысине Ставра.

– Слышь, Усыня, – он повернулся к парню. – А скажи-ка мне, Ставр сам в поруб заходит когда-нибудь?

– Да вроде нет, он все время кого-нибудь из нас посылает.

– Ага. – Арсентий показал на перстень из дутого серебра на пальце Усыни. – Одолжи-ка ненадолго. И погоди деда уводить.

* * *

– Ты что так волнуешься, старшина? – Арсентий нагнал Ставра уже на стене. – Все ли хорошо?

– Угу.

– У меня подарок для тебя. Лови! – Как и ожидал послушник, старшина поймал небольшой предмет на лету. Но тут же выронил, словно схватил горящий уголек. – Ничего не хочешь рассказать?

– Это про что, например?

– Ну, например, как давно ты серебро в руках держать не можешь? – Арсентий подобрал упавший перстень. – Или зачем ты свою душу продал?

– Ты о чем, Ярема? – Старшина смотрел на послушника, поджав губы.

– Я же говорил – я теперь не Ярема, а брат Арсентий. – Послушник поднял копье. – А вот ты кто? Как же я сразу не догадался, что мальчишка твою лысину имел в виду? День-то солнечный был, как и все дни до того, она и блестела от пота. Он же сказал – светлая голова. Не светлые волосы – светлая голова.

– И что из того?

– А то, что ты, как и другие дружинники – хоть и крещеный, но песни продолжаешь петь про Ирий. Да я и сам пел, помню. О том, как мы там славно пировать будем. Только боюсь, ты уже не попируешь – тебе теперь в аду гореть.

– Ну, раз ты догадался, то мне и отпираться незачем, – зло улыбнулся Ставр и через голову стянул рубаху, обнажив грудь и плечи, покрытые множеством шрамов и ожогов.

– Зачем ты это сделал, старшина? – повторил вопрос Арсентий, смотревший на бывшего товарища из-под низко опущенных бровей. – Ради чего свою душу продал? Чтобы силу против степняков получить, жизнь сохранить, если набегут?

– Да что ты об этом знать можешь? – прорычал Ставр сквозь зубы. – Когда тебя степняк в плену каленым железом ласкает и саблями на полосы режет, меньше всего о душе думаешь. Одна мысль – сдохнуть бы побыстрее, чтобы боль закончилась.

⁷ Поруб – деревянный сруб, использовавшийся как место заключения.

– Мне-то про боль не рассказывай. Не хуже тебя про то знаю.

– Пустой разговор! – отмахнулся старшина и поднял в стороны могучие руки. – Ты там голову ломал, почему я в этот раз мертвяка себе не приготовил? Так это потому, что в седьмую ночь мне нужно живое сердце, только что из груди вынутое.

Он зарычал как медведь, но намного громче. На глазах еще больше раздался в размерах, руки и грудь покрылись бурой шерстью, на пальцах отросли когти, а лицо вытянулось, превращаясь в морду огромного волка. Он стоял на задних лапах в свете полной луны и упивался злой силой, текущей по жилам. Арсентий опешил – он не ожидал, что этот волколюд окажется настолько крупнее тех, с кем ему доводилось сталкиваться ранее.

Двое стоявших рядом парней, увидев, во что превратился старшина, бросились вперед, но тут же отлетели в стороны под ударами могучих лап. Один, правда, успел закричать, призывая на подмогу товарищей. Арсентий тоже подскочил, увернулся от просвистевших над головой когтей, с размаху всадил копье в живот противника. Ну как всадил – острие отскочило, как от самой крепкой брони. И послушник поспешил кувырком откатиться подальше, пока волколюд не достал его в ответ.

На стену взбежало еще с десятков воев, окружили Ставра, выставили вперед копыя и факелы. Он посмотрел на них и зарычал – пренебрежительно, через губу. Огляделся, одним прыжком перемахнул стену, приземлился на ноги перед воротами и опять громко заревел. Звук был такой, будто в боевой рог протрубили. Вои на секунду замешкались, но потом гурьбой ломанулись к волколюду.

Арсентий поискал глазами волхва – тот, по-прежнему связанный, сидел, привалившись к стене поруба. Послушник, пользуясь тем, что оборотень отвлекся на воев, бросился к старику. Махнул ножом, рассекая веревки, выхватил кляп изо рта, поднял на ноги.

– Давай, старче, колдуй! Ты же знаешь, что делать.

– Нет, – покачал головой старик. – Без посоха мне сил не хватит.

– Так и что делать?

– Голову ему рубить надо, вот что!

– Да не берет его оружие.

– Шею возьмет. Если подобраться сумеешь.

Арсентий молча поднял старика на ноги и потащил наружу. То, что они там увидели, совсем не радовало. Бывший старшина двигался так быстро и бил так сильно, что на ногах оставалась едва ли треть парней. Послушник отметил, что они его все-таки услышали – пока остальные пытались достать зверя оружием, двое оттаскивали убитых и раненых. Молодцы, только вот не поможет это уже. Когда он закончит с ними, у него на выбор будет три десятка свежих тел.

* * *

– Постой! Не надо! – Со стороны домов, подняв раскрытые ладони, к волколюду приближалась зеленоглазая Зимава. Руки ее заметно дрожали от страха, но ступала девушка твердо, не отводила взгляд от чудовища.

– Слышь, парень, – волхв ткнул Арсентия локтем в бок, – а ты знал, что она ведьма?

– Да.

– А мужик у ней был уже?

– Вот этого не ведаю.

– Если мужика не было, то, может, и получится. Это древняя волшба – зверь будет слушаться девку.

– Чего-то, старче, я не уверен, что это хороший выход – вместо оборотня получить послушного девке оборотня.

Она подошла почти вплотную. Волколюд склонил бурую голову, забыв о противниках. Оставшиеся на ногах парни замерли, боясь дышать, чтобы не спугнуть его, не раззадорить.

– Не обижай их! Хороший, ласковый. – Она погладила зверя по голове. Оборотень присел на корточки, подставил голову. Но потом принялся, заревел еще громче и мощным ударом лапы отбросил девушку в сторону. Зимава пролетела несколько шагов и плюхнулась в грязь без движения.

– Не девка, стало быть, – отметил дед и толкнул Арсентия. – Давай, послушник! Если он ее зажрет, нас уже ничто не спасет.

– Сам знаю, – огрызнулся послушник и бросился вперед. Но не успел сделать и двух шагов, как между оборотнем и добычей встал молодой священник, про которого послушник совсем позабыл. Бледный от страха, он неумело держал в руках подобранное копье и тыкал им в сторону волколюда.

– Я не пущу тебя к ней! – Голос Сафрония сорвался от испуга.

– Давай, чужак! – закричал дед. Брат Арсентий выхватил из сумки два куска порванной серебряной цепи. Обернулся и увидел, что из всех воев ближе всех стоит дневной знакомец.

– Усыня, дуй сюда! – Арсентий протянул подбежавшему парню один из обрывков. – Держи. По моей команде, понял?

Оборотень поднял лапу над головой батюшки, собираясь смахнуть ее одним ударом, но за долю секунды до удара Арсентий оттолкнул священника в сторону. Чудище закрутило головой, но потом, увидев, что путь свободен, опять двинулось к Зимаве.

Упав рядом с батюшкой на землю, Арсентий перекувырнулся и тут же оказался на ногах. Убедился, что с Сафронием все в порядке, вручил второй кусок цепи. Подхватил с земли оброненный кем-то меч, взмахнул пару раз, разгоняя по жилам кровь. И заорал, что было сил:

– Давай!

Они не подвели. Подскочили к оборотню одновременно, накинули цепи петлей на передние лапы, потянули в стороны. Волколюд опять заревел и попытался вырваться. Но серебро сильно жгло, не давая собраться с силами. Арсентий разбежался, подпрыгнул и с двух рук рубанул по шее. Он очень боялся, что опять ничего не выйдет, но в этот раз клинок глубоко врубился в плоть, кровь брызнула сильной струей.

Оборотень резко задергался от боли. Напрягся и рывком сбил с ног священника, освободил левую лапу. Начал крутиться на месте, стараясь достать послушника. Батюшка же, несмотря на сильный удар о землю, рванул к Усыне, повис на одной с ним цепи. Они дернули вместе, заставив волколюда упасть на одно колено.

Арсентий понял, что это последний шанс – как только тварь поймет, что именно ей мешает двигаться, прикончит всех по очереди. Опять подскочил и начал рубить что было силы. Тварь крутилась, махала свободной лапой, и несколько раз в грудь Арсентия прилетали такие удары, что дух перехватывало. Когда он наконец перебил волколюду позвоночник, тот дернулся и завалился мордой вперед. Но послушник остановился только тогда, когда голова бывшего старшины покатилась по земле и упала на мокрую траву. Посмотрел на мертвое тело, отбросил меч, упавший в лужу, и опустил на колени, закрыв лицо ладонями.

* * *

– Я вот чего понять не могу. – Отец Сафроний протянул послушнику кружку со своим отваром, сам сел за стол напротив. – Как он сумел волколюдом заделаться?

– Пока не знаю, – вздохнул Арсентий. – Усыня говорит, Ставр по весне на юг куда-то ездил. Но где он был, с кем встречался?

– А кузнеца он зачем приговорил?

– Я думаю, он его зажать хотел, да мы с дедом спугнули. Он волхва, видимо, очень боялся, пока тот с посохом был. А вот как я не догадался сразу, кто там мог один в темноте бродить! Еще б немного...

Послушник встал, накиннул на плечи дорожный плащ и подошел к дверям. Потом обернулся и потер ладонью бороду.

– А ты не из трусливых, отец Сафроний. Не побоялся любимую защитить. – И добавил с улыбкой: – Да ты не тушуйся. Вам же, священникам, жениться дозволяется.

– Что? Да я же... Тем более что она... Слушай, а ты что так спокойно говоришь о ней? Ты же вроде и на ведьм охотник?

– И на них, да.

– И что, не будешь с ней ничего делать?

– По уму, конечно, надо бы. Но, во-первых, она не из тех ведьм, которые от бесов идут – ее сила природная. Тоже, конечно, безбожная сила, но не злая. От бабки переняла, когда напоила ту перед смертью. А во-вторых...

– Что?

– Любит она тебя, вот что. А пока любит, не будет людям зло чинить. – Арсентий усмехнулся, глядя, как щеки батюшки опять порозовели. – Бывай, отец Сафроний. Бог даст, свидимся.

И вышел из дому, плотно закрыв за собой дверь.

* * *

Арсентий ехал по лесной дороге на коньке, подаренном благодарным за спасение Усыней. Ехал не торопясь, тихонько насвистывая под нос. Он понимал, что впереди еще много дорог и схваток и что надо обязательно найти того, кто превратил в волколюда неплохого когда-то парня Ставра. Но пока не хотелось думать о грустном. Солнце пригревало, свежий ветерок обдувал, птицы мелодично посвистывали в кронах деревьев, из леса доносились запахи свежей листвы и хвои.

Человека, стоявшего возле дороги, он заметил издали. Подъехал поближе и разглядел, что это старый волхв Рычан, который опирается на новый посох – еще без резьбы и украшений, простой дубовый шест, белеющий чистотой только что ошкуренного дерева. А на его плече сидит большой ворон с перламутровыми глазами.

– Не спеши, парень, – поднял голову дед, когда Арсентий приблизился. – Поговорить бы надо.

Арсентий остановился. Хотя он и не испытывал особенной любви к волхву, но чувствовал себя виноватым – еще немного, и скормил бы старика волколюду.

– Ну что же, давай поговорим.

– Не зря ты мне встретился, парень. Я со старыми богами советовался, они согласились – учить мне тебя надо. Смелости и отваги у тебя за троих, а с чем ты борешься, сам толком не понимаешь. А у меня, наоборот, – знаний много, а вот силы уже совсем уходят.

– Я старым богам молиться не стану, – покачал головой Арсентий.

– Так ведь и я твоего особо не привечаю, – ухмыльнулся дед. – А вот враги у нас общие – твари, что род людской извести хотят. Ты, я слышал, надсыс вурдалака неподалеку успокоил? Вот. А теперь посмотри – и та деревня, и село наше около границы стоят. И сдается мне, что кто-то пытается границу порушить, прорвать с той стороны. Раньше мы, волхвы, от нечисти нашу землю обороняли, да только наше время почти ушло. Видать, пора свои тайны таким, как ты, передавать. Так что решай.

Старик развернулся и побрел в сторону капища старых богов, скрытого в дубраве. Арсентий задумчиво смотрел ему вслед, пока волхв не скрылся за деревьями. Только тогда послушник понукнул конька, а потом, проехав с десяток аршин, тихонько прошептал:

– Прости, отец, сейчас никак не могу, слово дал вернуться в монастырь. Но я обязательно приеду!

Не буди Лихо...

Никогда в жизни десятнику Валдаю не было настолько страшно. За годы службы в княжеской дружине он видел разное. Бился в десятках суровых сражений, когда люди вокруг ревели от боли и отчаяния. Забирался на чужие стены, уворачиваясь от зловонных потоков горячей смолы. Защищал родные стены под дождем из вражеских стрел. А как-то раз в детстве вообще на спор провел ночь в доме, где, как утверждали ровесники, обитают злые духи.

Но сейчас, глядя на приближающееся существо, Валдай чувствовал, как невероятный, звериный, ледяной страх сжимает его грудь, сковывает стальными цепями руки и ноги. Тварь, не похожая ни на что живущее не земле, ковыляла со стороны леса, покачивая головой и потряхивая лапами с длинными черными когтями. В неровном свете костра, скудно освещавшего поляну, она больше всего напоминала древнюю старуху, похороненную заживо, наполовину сгнившую, а потом вылезшую из могилы. Одета была в рубище, а рысьи глаза светились во тьме, как огоньки лучины.

– Чур меня, чур! – свистящим голосом, совершенно неподобающим опытному воину, завопил Валдай. А потом принялся по очереди крестить себя и приближающуюся мерзость. – Богородица Дева, защити раба своего от нечистой!

Глядя на это, тварь остановилась и закаркала – похоже, что этот звук у нее заменял смех. На мгновение десятнику поверилось, что крестное знамение всё же подействовало на нее, но чудовище вновь пошкондыбалю в сторону Валдая. От отчаяния он сделал движение, ставшее с детства единственным привычным в любом сложном положении, – выдернул из ножен меч, вытянул руку вперед, чтобы между ним и тварью оказалась верная сталь.

– Не, братец, меч тут не помощник! – послышался за спиной спокойный и ироничный мужской голос. Быстро оглянувшись, Валдай увидел двух мужчин в монашеских рясах, полы которых были заткнуты за пояс, с мечами на широких ремнях, решительно шагающих в сторону чудища, помахивая на ходу длинными блестящими цепями.

– В стороне постой! – произнес хриплым басом, глядя на Валдая краем глаза, один из них – с бородой цвета ржавчины и огромным ожогом на всю левую щеку, – Тут мы без тебя управимся.

Десятник, еще не пришедший в себя от страха, не мог не оценить, что чужаки двигаются совершенно спокойно, буднично, будто с такими вот чудищами встречаются каждый день. Не сговариваясь, они разошлись в стороны, встали так, чтобы тварюга оказалась между ними. Но не стали сразу бросаться на нее, а выжидали и присматривались. А потом принялись раскручивать цепи, которые гулко запели в воздухе.

Тварь заметалась на месте, не зная, на кого из чужаков напасть первым. Потом все-таки решилась и бросилась к темноволосому и высокому незнакомцу. Но тот, успев вовремя увидеть движение страхолюдины, выбросил вперед левую руку, и кончик цепи хлестанул по морде твари, оставив на ней дымящийся ожог и заставив визжать от боли.

– Что, корявая, не любишь серебро? – ухмыльнулся черноволосый и тут же попытался развить успех. Не получилось, потому что чудище пригнулось, пропустив разящую цепь над головой, и сразу же левой лапой потянулось вперед, стремясь вцепиться когтями в лицо мужчины. Но в этот миг своей цепью взмахнул рыжий, и ее конец обвился вокруг запястья чудища.

Тварюга, почувствовав себя в ловушке, начала биться, как раненый зверь в капкане. Превозмогая боль, она дернула лапу с такой силой, что мужчина со шрамом не удержал равновесие и выпустил оружие из рук. Чудище с визгом отбросило цепь в сторону и тут же попыталось схватить незащитного человека, впиться когтями. Не получилось – второй в этот же миг приложил тварь своей цепью по спине.

Сообразив, что вооруженный сейчас опаснее, мерзкое создание вновь быстро развернулось. Но вновь просчиталось. Рыжебородый, восстановив равновесие и чуть помешкав в ожидании удобного мгновения, с громким уханьем прыгнул вперед, обеими руками обхватил шею страхолюдины, а ногами обвил вокруг пояса. От неожиданности тварь потеряла равновесие, завалилась на спину, придавив собой мужчину, не разжавшего крепких объятий, забилась, стараясь вырваться из капкана рук и ног.

– Вяжи ее, что б тебя! – рявкнул рыжий. – Вяжи, долго не удержу!

Черноволосый выхватил из холщовой сумки, переброшенной через плечо, конопляную веревку, быстро сделал петлю, набросил на лапу тварюги, подтянул к другой, несколько раз обмотал запястья, крепко стянул. Потом попробовал повторить все то же самое с ногами. Но страхолюдина принялась лягаться столь отчаянно, что ему пришлось покружиться и поуворачиваться, чтобы все-таки накинуть петлю и на ноги.

Не сразу, но он справился. Проверил, надежно ли связал дергающуюся тварь, пинком оттолкнул в сторону и протянул руку товарищу, помогая встать. Потом оба потянули связанные конечности чудища в разные стороны, воткнули в землю крепкие колья, полностью обездвижив тварь.

– Ну ты даешь, шальной! – покачал головой черноволосый, выпрямляясь и переводя дыхание. – А если бы она дотянулась до тебя?

– Не дотянулась же, – ответил рыжий, смахивая со лба пот. – Да и выхода другого не было.

– Обалдуй. – Высокий внимательно осмотрел товарища, потом вынул из сумки глиняную бутыл, бросил рыжему. – Протри руки и одежду.

– Сам знаю, – рыкнул рыжебородый, но все-таки последовал совету.

– Ты там как, братец? Не помер от страха?

Валдай, зубы которого от испуга все еще стучали так громко, что, казалось, слышно на весь лес, не сразу понял, что обращаются к нему. А когда понял, несколько раз быстро кивнул.

– Это что такое? – Он показал пальцем на связанную тварь, бившуюся в отчаянии на земле и пытавшуюся порвать путы.

– Это-то? – улыбнулся высокий. – Да ничего страшного, простая неупоконница. Хотя ты, братец, при оказии в церковь-то сходи, свечку поставь! Потому что если бы не мы, то... В общем, ничего хорошего точно не случилось бы.

– И что вы с ней теперь будете делать?

– А ничего, – легкомысленно отмахнулся тот.

– Как так? Она же опасная.

– Еще какая опасная! – ответил за товарища рыжебородый, который, облив руки и одежду из бутылки, повернулся к деревьям, к которым неупоконница зашвырнула его цепь. – Только вот оружие наше ее не убьет, даже серебряное. Для нее лишь солнечный свет опасен.

– Так что мы ее до утра будем стеречь, до рассвету, – продолжил черноволосый. – У тебя не найдется чего крепкого выпить?

– Нет. А, да, есть! – опомнился Валдай. Наклонился к своему дорожному мешку, вытащил кожаную баклажку, зубами вынул из нее пробку и протянул высокому.

– Да не мне, дура! Тебе! – улыбнулся незнакомец. – Сейчас тебе точно не помешает, вон как трясет бедолагу.

Десятник не мог не признать правоту черноволосого – мелкая дрожь продолжала его колотить. Поэтому он послушно принял к горлышку баклажки, и в горло полился ядреный хмельной мед. Сделав несколько глотков, Валдай оторвался и протянул сосуд рыжебородому, который вернулся, подобрав цепь. Тот отказываться не стал.

– Ну будем знакомы тогда, что ли! Меня Арсентием зовут, а это вон брат Родион. – Он поднял баклажку, словно чокаясь, потом отпил и продолжил с ухмылкой, которая получалась

у него только на здоровой стороне лица. – А ты не робкого десятка, надо сказать. Другой при виде неупокойницы так бы драпал, что уже до Царьграда добежал бы.

– Да я, если честно, так испугался, что даже забыл, что убежать можно, – ответил десятник, который почувствовал, что крепкий мед понемногу прогоняет страх из головы. И что даже попеременно рычащая и визжащая неупокойница уже пугает чуть меньше, чем раньше. – Меня Валдаем зовут.

– Будем знакомы, да! – Брат Родион, взяв баклажку, протянутую ему рыжим, тоже приложился. – Откуда сам будешь, Валдай?

– Полоцкие мы. У князя тамошнего в гриднях хожу. – Он вновь указал на неупокойницу. – А она точно не вырвется до рассвета?

– Не должна, – пожал плечами Родион. – Но чтобы тебе спокойнее было... Арсентий!

– Сделаем!

Рыжебородный подошел к пленнице, вынул из сумки еще один заточенный кусок толстой палки длиной с локоть. Навалился всем телом и вонзил кол в грудь неупокойницы, которая еще сильнее принялась биться и еще громче орать.

И в этот момент Валдай понял, что не знает, кто его пугает больше – лежащее на земле чудище или вот эти двое. Странные мужчины были столь спокойны, и, не видя произошедшего, сложно было бы предположить, что они недавно скрутили такую страшную тварь, увидев которую во сне, можно и обделаться от ужаса. Они все делали так спокойно и невозмутимо – с такими лицами другие дрова колют или траву косят.

– Теперь точно не вырвется, сил не хватит. Вот что – мы с Арсентием по очереди до утра постережем. А ты давай спать ложись, – предложил Родион и, подумав, добавил: – Если, конечно, сумеешь заснуть.

Валдай, понимая, что точно ни в жисть не заснет по соседству с чудищем, присел на корточки с другой стороны костра – так, чтобы его и неупокойницу разделяло пламя. И внезапно понял, какой вопрос ему не дает покоя.

– А вы тут как вообще оказались? Не особо верится, что вы с ней случайно в одно и то же время на меня вышли.

– Не случайно, да! – согласился Родион. – Мы в лесу как раз за ней и охотились. В темноте потеряли, а как ты завопил, сразу поняли, где искать надо.

– Кто завопил? Я? – искренне удивился Валдай, глядя на неупокойницу, которая перестала орать и биться, а только тихонько поскуливала.

– Ну не я же. Казалось, тебя тут на куски тупым ножом режут.

– Надо же. А я и не заметил.

– Такое с непривычки часто бывает.

– Слышь, братцы, а вы кто вообще такие? По одежде вроде монахи, – он указал на меч на поясе Родиона, – но монахи оружие в руки не берут.

– Мы не монахи, послушники, – ответил Арсентий, тоже присаживаясь к костру. Дрова в огне догорали, поэтому он подкинул несколько веток, еще с вечера припасенных десятником.

– Мы, друг мой Валдай, богоявленские братья. Нас еще мастерами по нечисти называют, – дополнил Родион, садясь рядом с товарищем. – Может, слышал?

– Не доводилось, – покачал головой Валдай. – А что, так много нечисти на Руси развелось, что уже и мастера на нее спонадобились?

– Хватает, – уклончиво ответил Родион.

– Отпустите меня!

Валдай не сразу понял, что это за звуки, похожие на скрежет плохо смазанного колеса. А когда понял, что это говорит лежавшая на земле неупокойница, почувствовал, как волосы от страха встают дыбом. Родион же, услышав слова твари, поднялся на ноги и подошел к ней поближе.

– Ну вот, а я все жду, когда же ты запоешь. – Послушник опустился на корточки рядом с пленницей. – Ну что скажешь? Что предлагать будешь?

– Отпустите меня, добрые люди! – почти плакала она. – Просите что хотите, только не обрекайте на гибель!

– И чем же ты, корявая, нас поблазнить можешь?

– Я знаю, где в болоте клады с золотом скрыты, показать могу.

– И на что нам твое золото? – Арсентий тоже подошел поближе, встал над неупокойницей, сложив руки на груди.

– Тогда я сделаю так, чтобы вас никакая дурная хворь не брала. Я это могу, вы знаете.

– Знаем, можешь, – подтвердил Родион. – Только вот в чем загвоздка – отпустим мы тебя, а ты завтра опять будешь по лесу бродить, да вот на таких путников, – он указал головой в сторону Валдая, – нападать.

– Не буду! Уйду в самую дальнюю чащобу, куда и зверь не заберется, и никогда оттуда не вылезу.

– Что думаешь, Арсентий?

– А что тут думать? – отвернулся от пленницы рыжий. – Нечего ее слушать! Пока она в плену, с три короба наобещать готова. А нам потом опять по ночам тут шастать, ее ловить.

– Отпустили бы вы ее, а? – сам не понимая почему, решился Валдай. – Она ведь не лжет. Она сейчас вас больше боится, чем вы ее.

– Думаешь? – Родион посмотрел на Валдая с удивлением. А потом обернулся к неупокойнице. – Обещаешь, что уйдешь? И что не будешь людям больше зла творить?

– Обещаю! – выдохнула неупокойница, быстро кивая жуткой головой.

– И что нам мстить не примешься?

– Обещаю! Я к таким, как вы, на версту не подойду более! Я себе не враг.

– Добро! – Арсентий наклонился и, напрягшись, выдернул из груди неупокойницы кол. Родион вынул нож и по очереди рассек пути на руках и ногах, бросил обрывки веревки в костер. На всякий случай оба, не сговариваясь, отошли на пару шагов и вынули из сумок цепи.

– И не забудь, что это он, – Родион показал на Валдая, – за тебя попросил. У нас бы ты до рассвета тут пролежала. Так что ты теперь его должница. Сделаешь так, чтобы его никакая заразная хворь не взяла. Поняла? А то найду!

– Сделаю, – проскрипела неупокойница, а потом с усилием поднялась на ноги и встряхнулась. Настолько быстро, насколько могла, она поковыляла в сторону леса. Прошло буквально несколько мгновений, и страхолюдина растворилась в ночной тьме среди деревьев.

– Хороший ты человек, друг мой Валдай. Сердце у тебя не загрузевшее. – Родион похлопал десятника по плечу, а потом спросил, опять усаживаясь у костра: – А вот скажи-ка мне, ты сейчас куда двигаешь – в Полоцк или из него?

– В Полоцк. Домой ходил, родных проведать. Теперь вот возвращаюсь на княжью службу.

– А чего не по шляху на коне, а по лесу пешком?

– Мне пешком привычнее. В лесном краю родился, никогда чащобы не боялся. Ну, до сих пор.

– Сдается мне, что это не нас тебе бог послал, а тебя нам. – Родион посмотрел на Арсентия, который в ответ еле заметно моргнул в знак согласия. – Мы же тоже в Полоцк дальше двинем. И есть там у нас дело одно, в котором твоя помощь очень даже не помешает.

– Какое дело? – насторожился Валдай.

– Да так, ничего особенного, – уклончиво ответил темноволосый послушник. – Но допреж рассказывать не стану, потому как сам еще не все знаю. Так что, возмешь нас в попутчики?

В свете костра десятник наконец смог внимательнее рассмотреть странных ночных гостей. И понял, что Родион действительно постарше, Валдай дал бы ему не меньше тридцати

пяти лет. Несмотря на то что в волосах послушника не было видно седины, морщинки, которые время от времени появлялись возле ироничных глаз и улыбочивого рта, показывали истинный возраст. Второй, рыжий Арсентий, был, пожалуй, ровесником самого Валдая, которому зимой исполнилось двадцать восемь. Старше он выглядел из-за шрама на лице и того, что в глазах у него плескалась какая-то глубокая печаль.

– Добро, пойдем вместе, – согласился десятник, потому что причин для отказа вроде бы не было. – Ходоки вы, я вижу, не самые плохие, да и оружием владеть умеете. Обузой не станете. Да и вообще, сдастся мне, не так давно вы рясы носите, а?

– Верно тебе сдастся, – согласился Родион. – Я в Козельске в гриднях ходил. Арсентий вон вообще за рязанским князем хоругвь носил.

– Во как? – Валдай посмотрел на Арсентия. – А чего же ушел?

– Надо было, вот и ушел, – отрезал Арсентий, а потом встал и повернулся к лесу. – Пойду вещи наши подберу.

– Да это и до утра подождет, – посмотрел на товарища Родион. – Зачем в темноте бродить?

Арсентий ничего не ответил, пошел в ту сторону, откуда они до этого появились. При этом двигался он как опытный охотник – или как призрак – ни одна ветка не хрустнула под ногой. И, судя по всему, неплохо видел в мерцающем свете звезд.

– Чего это он? – спросил Валдай, когда Арсентий скрылся в тени деревьев.

– Не любит прошлое ворошить, – отмахнулся Родион. – Никто просто так из дружины в монастырь не уходит, у каждого своя история. Он свою боль еще не до конца пережил.

– И что, совсем не боится вот так по лесу бродить? Один? Ночью?

– Мне порою кажется, что он вообще ничего не боится.

– Опасное это дело, – подумав, ответил Валдай. – Те, кто страха не ведают, прежде других в бою погибают. Потому что все время голову в пламя пихают.

Родион тоже немного помолчал, словно обдумывая слова десятника.

– Наши братья, друг Валдай, вообще подолгу не живут. Чтобы долго жить, надо в обычный монастырь идти, грядки вскапывать и молиться. А мы воинами были, ими и остаемся. Только раньше с людьми воевали, а теперь, – он показал на деревья в той стороне, куда ушла неупоконница, – вот с такими вот тварями.

– Опять тебя на красивые речи потянуло? – Арсентий вышел из темноты так неожиданно, что Валдай вновь чуть не вскрикнул от испуга. Подойдя к костру, рыжебородый кинул на землю два дорожных мешка и два потертых плаща. – Спали бы оба, завтра не один десяток верст придется прошагать.

– И то верно! – Старший послушник лег рядом с древесным стволом, на котором они сидели перед костром, завернулся в один из плащей.

– Родион, береза! – произнес Арсентий, глядя на товарища с недовольством.

– Спасибо! Не заметил! – Родион поднялся, переложил свой плащ чуть в сторону, вновь улегся.

– А что такое с березой? – удивился Валдай.

– Примета такая, верная. Ни один мастер по нечисти не ляжет спать рядом с березой, – пояснил Родион. – На следующей охоте не повезет.

– Странные вы все-таки, мастера! – произнес десятник, обустроиваясь как можно ближе к огню. – Ловили эту вон неупоконницу, ловили. А потом отпустили почти без споров.

– Так ты же сам попросил за нее, – засмеялся Родион, приподняв голову. А потом добавил уже серьезно: – Незачем было ее дальше держать в плену. Она правда больше не будет, для нечисти данное слово – закон. А мы, братец, не палачи. Мы охотники.

Арсентий, присевший возле огня, достал из сумки какой-то продолговатый предмет, завернутый в мягкую тряпочку. Развернул, вынул деревянную свирель, подул в нее.

Валдай хотел было спросить, с чего это вдруг послушник решил в ночи веселье затеять, но Арсентий уже поднес свирель к губам. Прикрыл глаза и заиграл тихую медленную мелодию, пронзительную и чарующую, наполненную глубокой скорбью. В прозрачной тишине ночи она, казалось, взмывала к самым звездам, с любопытством смотревшим с неба на троих мужчин на поляне.

* * *

Кзакату следующего дня они уже подъезжали к воротам Полоцка. Валдай настоял, чтобы, несмотря на его любовь к лесу, они чуть срезали и вышли на шлях. Там, на постоялом дворе, он сторговал у барышника трех смиренных коньков – для боя он бы их не взял, но ехать на таких намного удобнее, чем на резвых и порывистых.

Послушники сперва пытались отказываться, мол, не хотят быть у него в долгу. Но он отказа не принял – несмотря на то что по-прежнему испытывал к странным спутникам насто-роженный холодок, но и чувствовал благодарность за избавление от чудища. Они все-таки вскоре согласились и взлетели в седла, привычным движением подоткнув рясы за пояс. Конями оба правили очень умело, а по их степной посадке – чуть свесившись влево – опытный глаз враз бы опознал дружинников из восточных княжеств.

Незадолго до ворот Арсентий и Родион остановились. Расстегнули поясные ремни с ножами, тщательно замотали мечи в плащи, убрали под седла – так, что и не видно особо, и достать можно, не мешкая. Теперь узнать в них воинов можно было бы только по осанке и уверенным движениям, а так – монахи монахами, каких на Руси множество. Валдаю это не особенно понравилось, он привык, что если люди прячут мечи, то и мысли у них должны быть недобрыми. Но вновь ничего не сказал – со своим уставом, как известно, в чужой монастырь не лезут. Особенно в монастырь таких матерых мастеров по нечисти.

– Здоров, Валдай! – махнул от ворот знакомый по дружине парень в кольчуге и шлеме. – Как съездил?

– Хорошо съездил, – ответил Валдай, не собиравшийся вдаваться в подробности похода. А как только въехали в город, посмотрел на послушников. – Ну что, бывайте, что ли, мастера по нечисти!

– И тебе всего доброго, друг Валдай! – ответил Родион за обоих. – Часом не подскажешь постоялый двор неподалеку? Чтобы втридорога не драли, а то мы не особо при деньге.

О своем ответе Валдай потом пожалел не раз. Но в тот момент иначе поступить не смог. Появившись пару мгновений, он предложил:

– Не надо вам на постоялый двор. У меня остановитесь, места хватит.

– А твои не будут против? Поди, не один же живешь?

– Не один, но против не будут. Жена гостей любит. Только вот что, – он вновь замялся, – не надо ей рассказывать про то, что ночью было. И что вы по нечисти мастера, тоже лучше не стоит. Послушники и послушники, лады?

– Лады, – согласился Родион. Арсентий, по своей привычке, просто молча кивнул.

К дому, не очень большому, но стоявшему неподалеку от высокого холма, с вершины которого на город смотрел княжий кремль, они подъехали, когда солнце почти скрылось. Не желая особенно шуметь, Валдай тихонько отворил ворота, шикнул на сидевшего на цепи вол-кодава Парфена, чтобы тот не залаял. Махнул рукой послушникам, показывая, чтобы следо-вали за ним. Втроем они завели лошадей в конюшню, набросали в ясли свежего сена, пахнув-шего поломом и летом. Потом так же тихо направились к дому.

– Валдай, ты? – В дверях со свечой в руке стояла молодая женщина в нижней рубахе, поверх которой на плечи был наброшен длинный платок. – А мы уж решили, что до завтра не вернешься.

– А я вот вернулся! – Десятник подхватил жену и крепко обнял. Поставил на ноги и взглянул чуть строже, хотя и с любовью в глазах. – У нас гости, Миланья. На стол накрой.

Она ойкнула и тут же скрылась в темноте дома. Чтобы больше не ставить хозяйку в неловкое положение, послушники долго отряхивали сапоги и полы ряс от дорожной пыли, Валдай стоял рядом, глядя на то, как в доме загораются свечи. А когда они прошли в горницу, Миланья успела не только надеть платье и повязать на голову косынку, но уже копошилась возле печи, грея ужин.

– Добро пожаловать, гости дорогие! – широко улыбнулась женщина, показывая на стол. – Проходите, садитесь, угощайтесь!

– Благодарствуем, хозяйшка! – вежливо склонил голову Родион. Арсентий же вновь ограничился коротким кивком. – Прости, что свалились как снег на голову. Муж твой пригласил нас только на ночлег, так что не стоит ради нас особо стараться.

– Да мне не сложно. Мужа хоть уже и не ждала, а ужин на всякий случай состряпала. И на троих у меня хватит.

– Батька вернулся! Батька вернулся! – В горницу влетел мальчуган лет семи, настолько похожий на Валдая, что не было никаких сомнений, чей он сын. Обрадованный десятник подхватил мальчонку на руки, со смехом подкинул в воздух.

– Зашибешь же, окаянный! – засмеялась Миланья, разливая из латки по тарелкам густые щи, от которых на всю горницу разнесся запах вареной капусты. – Отпусти, ему спать пора. И так еле уложила.

– Мама, я не хочу спать!

– Цыц, Мишанька! Я кому сказала – спать!

Мальчишка с надеждой посмотрел на отца, но Валдай потрепал сына по голове, развернул и подтолкнул.

– Мать сказала спать, значит, спать!

– Ну вот! – вздохнул Мишаня, но послушаться все же не решился. Свесив голову, пошел к себе.

– Я вот что, не голоден, спасибо! – пробормотал брат Арсентий, до этого с мрачным лицом глядевший на встречу Валдая с семьей. – Пойду на сеновал, спать лягу. Умаялся в дороге.

Не дожидаясь ответа, рыжеволосый послушник вышел из дома. Миланья посмотрела на его товарища, севшего за стол, с удивлением и легким испугом.

– Прости его, хозяйка! – Родион потер пальцами лоб. – Когда-то у него тоже семья была. До сих пор переживает, что не уберег.

* * *

Утром Валдай вышел в горницу и узнал, что послушники уже перекусили – Миланья, как и положено жене в хорошем доме, заутрок приготовила еще до рассвета – попрощались, попросили передать Валдаю благодарность за гостеприимство и ушли. Куда, не сказали, а ей и спрашивать было ни к чему.

– Странные они какие-то. Вроде как божьи люди, а благочестия и не видать, – удивлялась Миланья, накрывая на стол перед мужем. – Этот рыжий как будто воды в рот набрал. А второй так зенками зыркает, что меня аж в краску вогнало. Какие они монахи? У тех в глазах смирение быть должно, благолепие.

– Они не монахи, они послушники, – ответил Валдай.

Весь следующий день десятнику было не до них. Перекусив, направился в кремль. Сперва доложил сотнику, что вернулся живой и здоровый. На все вопросы, как сходил, предпочел

не особенно много отвечать. Про монахов тоже не стремился говорить, потому что сложно объяснить, что это за странных людей он привел в город.

Потом Валдай занимался привычными для десятника делами. Гонял по указанию воеводы парней из младшей дружины, проверял свой десяток, не забыли ли за неделю его отсутствия воинскую науку. К вечеру, намаявшись, отвечерял с другими в дружинной избе – хотя он, как и многие женатые, жил отдельно, с семьей, но общие трапезы старался не пропускать, потому как воинское единство крепится не только в боях, но и в совместных посиделках. Поэтому домой вернулся, когда уже стемнело. И очень удивился, увидев в окнах яркий свет.

– Здрав будь, друг Валдай! – услышал он, только войдя в горницу. – Прости, что непрошеными пришли.

– И вам не болеть, братья! – Десятник поцеловал жену и сел на лавку у стола. – Я думал, вы уже уехали.

– Да вот, задержаться пришлось. – Родион подхватил кончиком ножа последний соленый груздь на тарелке, с удовольствием пожевал. – Ох, грибки у тебя хозяйюшка – просто объедение. Прости за неудобства, а не принесешь ли еще?

– Ой, да конечно! – заулыбалась Миланья, подхватила крынку и направилась к дверям.

– Будь ласкова, хозяйюшка. – Родион дождался, пока она выйдет, и тут же повернулся к хозяину. А Арсентий решительно подвинулся ближе к столу: – Вот что, десятник, дело у нас к тебе.

– Какое дело? – насторожился Валдай.

– Важное, иначе бы не стали беспокоить. И, не буду скрывать, непростое.

– Нам надо в кремль ночью пробраться, – не стал ходить вокруг да около Арсентий. – Только желательно так, чтобы ни одна живая душа не увидела.

– Да вы что? Как вы это представляете? – Валдай не сразу нашел нужные слова. – Чтобы я, княжий гридень, да чужих людей тайком провел в кремль, который охранять поставлен? Небось еще и с оружием пойти хотите?

– Обязательно с оружием, – подтвердил Родион. И лицо его в этот момент было непривычно для него серьезным.

– Вот видите! Нет, даже не просите. Я на такое не пойду никогда! – Валдай встал и прошел из угла в угол. – В общем, так. Обещаю, что не пойду докладывать воеводе, что вы это задумали, но только если пообещаете, что поутру из города уедете.

– Сядь, десятник! – Арсентий приказал так жестко и так властно, что любому стало бы понятно, что в прошлом ему не раз приходилось командовать людьми. Даже Родион посмотрел на товарища с легким удивлением, а Валдай и сам не успел понять, как опустился на лавку. – Мы, как ты успел заметить, не в тавлеи⁸ играем, делами посерьезнее занимаемся. Ты тварь, что в лесу видел, хорошо разглядел?

– Да, хорошо, – нахмурился десятник.

– Так вот, она – игрушки по сравнению с тем, что ты можешь в своем городе вскоре увидеть. Ты свою семью ведь любишь?

– А при чем тут это?

– На вопрос ответь!

– Знамо дело, что люблю.

– Тогда у тебя есть две возможности сделать так, чтобы они в живых остались. Первая – ты нам помогаешь. Вторая – берешь жену и ребенка и бежишь из города куда глаза глядят. А потом живешь до конца своих дней с мыслью, что мог помочь множеству людей, но смалодушничал. И вот что еще, десятник...

– Что?

⁸ Тавлеи – древнерусская настольная игра, похожая на шашки.

– Любящая семья – это такой дар, которым не стоит жертвовать ради чего бы то ни было. Даже ради служебного долга. Поверь мне, я знаю, о чем говорю.

– А вот и грибочки, – Миланья вытерла ноги о порог, – как и прежние, соленые да хрустящие.

– Спасибо, хозяйка! – вновь заулыбался Родион, а потом положил на стол ладони. – Только мы, с твоего позволения, уже пойдем. Время позднее, не хотим обузой быть.

– Все-таки они очень странные! – удивленно покачала головой Миланья, когда оба послушника вышли. – Где ты их только встретил, Валдай? Валдай! Ты меня слышишь?

– Что? А, да, слышу! Ты вот что, спать ложись. А мне это вот надо... – Он встал и покрутил рукой в воздухе. – Коней пойду проверю, здоровы ли. А то дружинные бают, что сап в городе ходит.

– Так темень же на дворе – хоть глаз выколи! Может, с утра проверишь?

– Да чего до утра откладывать! – Валдай поцеловал жену в лоб. – Я быстро.

– И этот сказался! – всплеснула руками Миланья, глядя на дверь, которую за собой закрыл муж. – Вот точно говорят – с кем поведешься...

Послушники ждали во дворе, сидели на лавочке возле ворот – в свете звезд прекрасно были видны их силуэты. Арсентий чесал Парфена за ухом, и волкодав, никогда не подпускавший к себе чужих, от удовольствия тихонечко поскуливал.

– Вот что, братья-охотники, – начал Валдай, подойдя поближе. – Если хотите, чтобы я вам помог, заканчивайте говорить загадками. Либо выкладывайте все как есть, либо не обижайтесь, но я иду к воеводе, даже не дожидаясь утра.

– Добро! – согласился Родион, помолчав недолго. – Рассказывай, Арсентий, у тебя лучше выйдет.

– Расскажу, мне не сложно, – согласился Арсентий. – Полоцк – город старый, ему не меньше шестисот лет. И до крещения вокруг жили языческие племена. Как каждое из них называлось, уже никто и не скажет, с годами забылось.

– Про это я слышал, да, – ответил Валдай нетерпеливо. – Только сейчас ты это зачем рассказываешь?

– Ты не спеши, десятник, я просто так языком молоть не стану. Так вот. Племена эти по жизненному укладу очень разнились. Были среди них и такие, которые не светлым богам поклонялись, а совсем даже наоборот. А еще они на месте своих захоронений насыпали большие курганы.

– Ты что же, хочешь сказать, что холм, на котором кремль стоит?..

– Именно так. Это древний курган. Внутри которого – множество мертвых людей. – Арсентий потрепал Парфена по голове, подтолкнул, и пес послушно пошел к своей будке, тихонько позвякивая цепью, волочившейся за ним по земле. – На вершине холма у них было капище, молились старым богам. Боги у них были светлые и, как пишут в старых книгах, очень сильные. Но неподалеку тут жили другие, которые Чернобогу служили.

– А это кто такой?

– Чернобог, десятник, – главный враг всех людей. Который нас ненавидит и очень хочет уничтожить всех до единого. И вся нечисть, с которой мы боремся, так или иначе им создана и ему служит.

– И та гадость, что мы в лесу встретили?

– И она тоже, да. А в кургане под кремлем, как мы недавно узнали, помимо людей, схоронено еще что-то. Очень злое и очень сильное. Когда-то была большая война между племенами, и последователи Чернобога призвали это зло, чтобы покорить соседей. Но те, кто тут жили, победили, а их волхвы смогли ту беду в плен взять. А чтобы держать в повиновении, схоронили под капищем, у себя под носом. Ну и мощные чары наложили, чтобы эту напасть сдерживать.

– Так а что за напасть-то? – вновь перебил десятник.

– А вот тут, друг Валдай, мы сами пока только в догадках, – вмешался в рассказ Родион. – Сейчас уже старые книги, которые еще языческими буквами написаны были, почти никто и читать не умеет. А кто и умеет, не все слова разбирает.

– В книгах говорится, что там Лихо закопано, – добавил Арсентий. – Но действительно ли это именно Лихо, или же просто что-то злое этим словом назвали, мы сказать не сможем, пока не увидим.

– А это Лихо – это что такое? Это то, которое в поговорках поминают? Ну, не буди Лихо, и все такое?

– Оно, да. Его давно никто не видел, поэтому мы знаем только по книгам, – ответил брат Родион. – С виду – огромная женщина. Один глаз живой, а второй мертвый, волосы цвета огня. Но это только с виду. Потому что на самом деле это дух, очень древний и очень сильный. И всегда очень голодный. Но питается он не хлебом и не мясом, а человеческим гневом, страхом и злобой – в общем, всем тем, что в людских душах плохого есть. И чем больше вокруг злого, тем сильнее Лихо. Да, еще – убить его невозможно.

– Но ведь волхвы-то справились с этим Лихом.

– Справились, да. – Арсентий сложил руки на груди. – Беда в том, что когда в город наша вера пришла, православная, волхвов прогнали. И их знания почти не сохранились.

– Так это же сколько лет назад было!

– Двести лет назад. Как раз на столько лет свою волшбу волхвы и наложили – больше не умели. И то, что они там запечатали, в ближайшие дни распечататься может. Если мы не помешаем. Мы вчера в кремль ходили днем, осмотрелись. Одно строение там понизу трещинами пошло, хотя земля вокруг крепкая. Видать, рвется оно оттуда.

– Так надо же воеводе об этом сказать! Или князю!

– Тут, друг Валдай, есть сложность, – опять заговорил Родион. – Если бы ты не видел, как мы с неупоконницей в лесу справились, поверил бы в то, что мы не просто так болтаем, красного словца за-ради?

– Да я, если честно, и сейчас не особо понимаю, стоит ли вам верить.

– Вот именно. А как тогда убедить князя или воеводу, для которых все это – обычные байки, которые дети друг другу рассказывают, чтобы попугать?

– Ну, допустим. Но почему вам туда именно ночью надо? Днем вон сходили же, посмотрели? Значит, можете днем и с заразой этой разобраться.

– Не можем, десятник, не можем, – опять заговорил Арсентий. – Точнее, сходить-то легко. Но, во-первых, нам надо внутрь пройти, в то самое строение. А во-вторых, с силами ночи днем встретиться почти невозможно. Они выходят в то время, когда становятся сильнее.

Десятник замер, вдыхая прохладный ночной воздух. Задумался крепко, и было о чем. С одной стороны, все только что услышанное звучало по меньшей мере необычно. И при этом очень страшно. С другой, он уже успел убедиться в том, что мастеров по нечисти не случайно так называют.

– Вот что, братья, – решительно заявил десятник. – Раз вы сейчас здесь, то, я понимаю, сегодня оттуда ничего не выберется?

– Как видишь. Город-то целый. Но сегодня и не должно – оно только на новой луне освободиться может, а первая ночь новолуния завтра, – пояснил Родион. – Так что сегодняшняя ночь и завтрашний день у нас точно есть.

– Тогда вот что – спать ложитесь. Утром разговор продолжим.

– Но... – начал было Арсентий.

– Я сказал – утром. Подумать мне надо. – Валдай решительно повернулся в сторону дома и пошел не оглядываясь.

Дома десятник сперва прошел в красный угол, где под лампадой висела икона Николая Чудотворца, и несколько раз перекрестился, пробормотал молитву. Заглянул в комнатку

сына – убедился, что тот спит крепким сном, аккуратно, стараясь не разбудить, потрепал по голове. А потом, отодвинув занавеску, тихонько скользнул в их с Миланьей спальню.

– Ну как там лошади? – Жена еще не спала, как надеялся Валдай.

– Всё хорошо, все здоровы! – Десятник быстро скинул с себя рубаху и штаны, нырнул под одеяло. Вдохнул запах любимой женщины, посильнее прижал ее к себе и крепко стиснул пониже пояса.

– Эй, эй! Ты чего это задумал, окаанный? – хихикнула Миланья, игриво отстраняясь от мужа.

Он не ответил. Одним быстрым движением смял на жене ночную рубаху. А потом принялся любить ее так, как не любил, пожалуй, с самого медового месяца. Словно в последний раз. Почти до самого рассвета, прерываясь пару раз, чтобы отдышаться и выпить квасу.

Валдай с Миланьей предавались ласкам с такой страстью и напором, что домовой, живущий за печкой в доме десятника, сперва застенчиво затыкал пальцами уши. А потом нашел в подполе нарядную шапку, стряхнул с нее пыль, причесал пятерней длинную бороду, прихватил крынку с теми самыми груздями, что так хвалил Родион, – и отправился в гости к шишиге⁹, живущей у соседей.

* * *

– Как думаешь, не подведет? – Родион, сидя в темноте в кустах ароматной сирени, озабоченно смотрел вверх, на вершину кремлевской стены.

Арсентий пожал плечами. Он почти не говорил и не двигался с того времени, как они в сумерках пришли на оговоренное место. Уселся, припав спиной к стене, сунул в рот травинку и молча жевал ее, оглядывая окрестности из-под опущенных век. Родион даже позавидовал его выдержке – самому-то ему на месте не сиделось, слишком горел в груди огонь ожидания предстоящего непростого дела. А уж когда стемнело и пришло время Валдаю сделать то, о чем они договорились – но со стены не доносилось ни звука, кроме редких шагов караульчиков, – Родион вообще почувствовал себя так, словно сидит на углях.

– Нет, похоже, все-таки сдулся десятник, – почесал затылок старший послушник. – Надо что-то другое придумывать.

– Не дергайся ты так, – прошептал Арсентий. – Все он сделает.

Словно в подтверждение его слов, со стены раздался тихий свист. Услышав его, Арсентий ожил, так же негромко свистнул в ответ. И почти сразу сверху с легким шелестом скользнула конопляная веревка. Поплевав на руки, оба послушника по очереди – сперва Родион, за ним Арсентий – схватились за нее, уперлись ногами в бревна стены и одним махом, бесшумно, как тени, взлетели на забрало стены.

– Как тут? – спросил Родион у Валдая.

– Стража, который здесь стоит, я отправил проверить стену с другой стороны. Сказал, что-то оттуда давно никого не слышно, – отчитался десятник совершенно спокойным голосом.

– Это ты разумно придумал, – согласился Арсентий.

– Вы сейчас по взлазу, – десятник указал на лестницу в нескольких шагах от них, – спускайтесь, схоронитесь. А я дождусь стража, чтобы подозрений не было. И сразу за вами.

Они не ответили, повернулись, и все так же, без единого звука, спустились в темноту под стеной, на этот раз внутри кремлевского двора. И когда, дождавшись возвращения караульщика, за ними последовал Валдай, десятнику на секунду показалось, что они исчезли – в неровном свете не было видно ни одного ни другого. И царила полнейшая тишина, прерываемая только стрекотанием кузнечиков в траве и долетавшим из-за стены собачьим брехом.

⁹ Шишига (здесь) – домовая женского пола.

– Что замер, десятник? – Арсентий в очередной раз вынырнул из тьмы так неожиданно, что Валдай чуть не вмазал ему от испуга.

– Идем. – Десятник все-таки сумел не показать своей реакции ни телом, ни голосом. И, не оглядываясь, двинулся к строению, на которое послушники показали ему еще днем, когда они приходили сюда обсудить подробности ночного дела. Это был старый амбар, заполненный мешками с пшеном и другими припасами, которые бы позволили в случае осады кремля продержаться тут не одну неделю.

До амбара добрались, не попав на глаза стражам на стене и не вызвав тревоги. Замерли ненадолго возле ворот, настороженно оглядываясь и прислушиваясь. Вроде бы, ничего не вызывало опасений. Арсентий взялся за засов, напрягся и аккуратно поднял его, с легким стуком прислонил к стене рядом. Петли протяжно скрипнули, когда Валдай с Родионом потянули створки на себя, и все трое скользнули внутрь, в темноту, наполненную спертым запахом зерна и мешковины.

Старший послушник достал из мешка заранее приготовленный факел, младший вынул кремь с кресалом, чтобы добыть огня и не блуждать тут в темноте. В мерцающем свете факела они осматривали стены и земляной пол, покрытый множеством трещин.

– Вот тут, похоже... – начал было Арсентий, но, услышав громкие звуки, донесшиеся со двора, выпрямился и схватился за рукоять меча.

– Гри-и-и-идь! Становись! – прогремел снаружи уверенный голос. И сразу за этим застучали по земле множество сапог, свет факелов осветил пространство перед воротами амбара.

– Валдай! – Родион посмотрел на десятника с разочарованием. – Ну зачем?

– Простите, братья! Я не мог иначе.

– Ладно, не оправдывайся. Какая теперь разница?

Поняв, что сейчас уже особенно ничего не поделаешь – не рубиться же вдвоем со всей дружиной, – оба послушника расстегнули пояса с мечами, аккуратно и бережно положили на землю. И, подняв руки на уровень плеч, вышли наружу – туда, где в окружении сотни гридней, стоявших с обнаженными клинками в руках, их ждал полоцкий князь Василий Дмитриевич.

* * *

– Ивы что, всерьез полагаете, что я поверю в такую басенку? – Князь Василий с кривой улыбкой потер ладонью крепкую шею. – Про древнее зло, которое вот-вот вылезет из-под земли и сровняет весь город с землей?

– Нам незачем тебе врать, княже! – развел руками Родион.

– А если незачем врать, тогда ответьте мне честно на один вопрос.

– На какой?

– Кто из князей вас послал? Смоленский? Черниговский? Гродненский? Или эти торгошники из Новгорода?

– Княже! – обиженно протянул старший послушник. Арсентий же, стоявший рядом, молчал и задумчиво оглядывался.

– Что «княже»? Я уже двенадцать лет на полоцком троне. И если бы был дураком, которым вы меня, судя по всему, считаете, давно бы лег под кого-нибудь из соседей. Так что не надо мне тут, не надо! Вас взяли в амбаре, где хлеб хранится, с факелом в руках. Что, чуть-чуть не успели подпалить нас, а?

– Да я же тебе объясняю, мы из Богоявленского монастыря...

– Да-да, я уже слышал. Мастера по нечисти, охотитесь на зло. Это вы вон, – он указал пальцем на стоящего рядом с понурым видом Валдая, – вон ему рассказывайте, он вам поверит. А мне не надо.

Князь расправил плечи, провел большими пальцами за ремнем, надетым поверх кольчуги. Потом взмахом руки подозвал одного из ближников – хмурого воеводу с говорящим именем Строг.

– Вот что, воевода! Вот этих обоих – в поруб. И чтобы к утру заговорили!

– А ну-ка руки в гору! – рявкнул Строг без лишних разговоров. – Первый десяток – шаг вперед! Второй десяток...

– Тихо! – вдруг громко, как приказ, крикнул Валдай. – Замерли все! Тихо!

Окружающие, включая обоих послушников, воеводу и князя, успевшего сделать в сторону только пару шагов, с удивлением смотрели на десятника, вскинувшего над головой руку. И что-то было такое в его голосе, что ни один из сотни людей, стоявших на дворе, не посмел пошевелиться или зашуметь.

– Слушайте! – повторил Валдай, указывая рукой на ворота амбара.

Звук сперва был еле различим. Он почти не воспринимался ухом, скорее чувствовался кожей. Бууум-бум. Как будто стучало под землей огромное сердце. Бууум-бум. Но с каждым ударом подземный гул становился все громче и сильнее, словно приближалось к поверхности, стремилось вылезти наружу что-то очень и очень сильное.

– Ну вот и началось, похоже! – перекрестился Родион. – Прости нас, Пресвятая Богородица!

– Аминь! – закончил Арсентий, который, тоже перекрестясь, вынул из сумы серебряную цепь. Оба послушника замерли плечом к плечу, не обращая больше внимания на дружинников вокруг. Валдай, поддавшись непонятному ему самому порыву, встал рядом с ними с обнаженным мечом в руке.

Громкость звука все нарастала. Теперь это уже больше походило не на сердечный стук, а на удары большого тарана по воротам. А потом амбар взмыл в воздух, в полете рассыпаясь на бревна, которые, по счастью, пролетели над головами людей, никого не задев. А когда осела пыль, состоявшая из земли и муки, они увидели, что из большой ямы вылезает существо ростом примерно по плечо взрослому мужчине.

Оказавшись на поверхности, существо, одетое в полуистлевший сарафан и короткий плащ, застегнутый на плече медной фибулой, раскинуло руки в стороны. А потом подняло к небу лицо с единственным глазом, светившимся голубым светом, и с явным удовольствием втянуло чистый воздух.

– Все-таки оно, Лихо! – севшим голосом прохрипел Родион.

– Что делать будем? – не поворачивая голову, спросил Валдай.

– Боюсь, что умирать! – ответил за товарища Арсентий.

– Так вы что, меня вот этим пугали? – гневно вскрикнул Василий Дмитриевич, подходя к троице. Действительно, с виду Лихо сейчас казалось совершенно безобидным.

Звук княжьего голоса заинтересовал ночного гостя, который с любопытством перевел взгляд голубого глаза на людей. Склонив голову к правому плечу, оно широко улыбнулось, показав редкие острые зубы. А потом набрало в грудь побольше воздуха.

– Ложись! – заорал Арсентий, и сам, подавая пример, упал на землю.

Громкий рев, выплеснувшийся из распахнутого рта Лиха, больше всего походил на скрип, который издает плохо смазанное колесо, только в десятки раз громче, в сочетании с визгом собаки, которой наступили на хвост, только в десятки раз сильнее.

Те, кто не успел или не захотел оказаться на земле, в один момент разлетелись в разные стороны. И мощная злая сила в один миг не только ободрала с них кольчуги и одежду, но и порвала кожу до мяса. Кремлевский двор вскоре стал похож на мясобойню, только вместо коровьих туш – то, что только что было лучшей сотней полоцкого князя Василия.

Кричало Лихо недолго. А потом замолчало, заглядывалось, слушая стоны и предсмертные крики. И от каждого звука оно становилось чуть выше и чуть шире в плечах, словно бы

напитывалось мучениями людей. Очень скоро оно выросло раза в три, а черные когти на пальцах стали размером с хорошие кинжалы.

Валдай, воспользовавшись передышкой, чуть поднял голову, сплевывая песок, попавший в рот при падении. Невредимых осталось не так много. Кроме него – оба послушника, да с полтора десятка дружинников, следовавших за Арсентием. Остальные либо умерли, либо корчились от боли. У десятника на миг замерло сердце, но тут он увидел, что и князь Василий так же осторожно выглядывает из-за щита, оброненного кем-то из гридней, а рядом землю с лица оттирает воевода.

– Что делать будем? – прошептал Родион, обращаясь к Арсентию.

– А ты что думаешь?

– Есть одна мысль. – Черноволосый послушник осторожно поднялся на колени, потом встал в полный рост. Выставил вперед ладони и спокойным голосом произнес нараспев: – Уходи, Лихо! Не делай мне лихо! Нет тут больше твоей власти! Уходи, Лихо!

Огромная женщина с ярко-голубым глазом глядела на послушника, не отводя взора. Когда Родион чуть приблизился, Лихо опустило голову, чтобы разглядеть его получше. А потом вновь распахнуло рот.

– Твою малину! – рявкнул послушник, вновь падая на землю. Страшный звук снова наполнил кремлевский двор, доставляя еще больше боли и страданий корчащимся на земле дружинникам. И от этого Лихо еще увеличилось в росте.

– Вот леший, не получилось, – пробормотал Родион, вновь отплевываясь, когда Лихо опять замолчало. – Должно же было сработать. В книгах так написано.

– Забыли, видать, кое-что, – ответил Арсентий.

– Что, например?

– Понятия не имею. – Рыжий послушник приподнял голову, посмотрел на Лихо, подумал и тихонько добавил: – Сплясать надо, вот что.

– Чего сделать? – Судя по тону, черноволосый послушник решил, что его товарищ тронулся умом.

– Сейчас! – Арсентий, не вдаваясь в объяснения, полез в свою сумку, стараясь делать это как можно незаметнее. – Только один я не справлюсь, тут всем придется.

– Что придется-то? – с нетерпением переспросил Родион. – Ты объясни толком.

Лихо упивалось той силой, которую ему давали мучающиеся вокруг люди. Оно поводило плечами, задрав голову к небу, прикрыв глаз с блаженной улыбкой. И резкий оклик, раздавшийся снизу, чудовище насторожил не сразу. Поэтому Арсентий, заложив в рот пальцы левой руки, засвистел так, что Валдай почувствовал, как ухо заложило – хотя, казалось бы, после звуков, издаваемых Лихом, уши должны были бы выдержать что угодно.

– Эй, ты! – гаркнул рыжебородый послушник, подойдя к огромной твари. – Давай попляшем, а? Любишь пляски, поди?

Лихо некоторое время смотрело на Арсентия с удивлением – видимо, никогда не встречало такой наглости. А потом решило избавиться от странного человека, вновь приоткрыло рот, собираясь закричать. Послушник же, видя это, поднял свою свирель и заиграл такую залихватскую плясовую, что в другом случае мало кто усидел бы на месте.

Валдай и до этого видел в жизни много странных вещей. Но, пожалуй, самую странную он видел именно сейчас. Рыжий послушник в монашеской рясе, не переставая наигрывать на свирели, выплясывал на залитом кровью подворье так задорно, что позавидовали бы многие скоморохи. Перепрыгивал с одной ноги на другую, крутился вокруг себя, поводил плечами. И все это перед лицом Лиха, морщившего огромное лицо так, словно набрало полный рот клюквы.

– Чего разлеглись? – гаркнул Арсентий, на мгновение прервав игру. – Меня одного не хватит. Всем веселиться!

То, что произошло вскоре, никто из присутствующих не смог бы описать словами. Полтора десятка дружинников, второй послушник и воевода Строг по очереди поднялись на ноги. Сперва нерешительно, вскоре они, по примеру Арсентия, принялись отплясывать под звук свирели так, словно не первый час гуляли на свадьбе и опрокинули не одну братину¹⁰ с хмельным медом. Видя, что от этого Лихо закачалось и зажимает ручищами уши, брат Родион ударился в размашистую присядку – что выглядело еще более забавно в исполнении человека в рясе.

– Княже, давай с нами! Чутка не хватает! – крикнул старший послушник, не переставая выплясывать.

– Ты что это удумал? – приподнялся князь Василий с хмурым видом. – Я князь, а не скоморох с торжища.

Но видя, что при его словах Лихо перестало так сильно морщиться, князь быстро поднялся, подхватил под локоть ближайшего гридня, и они закружились, высоко вскидывая колени в такт музыке. Строг хлопал себя ладонями по плечам и коленям, громко напевая «Ай-люли-люли». Даже раненые, лежащие на земле, вскоре через боль принялись хлопать в ладоши и подпевать мелодии свирели, видя, какое мучение это доставляет огромной вражине.

И, несмотря на то что только что погибло множество людей и еще немало в ближайшие дни умрет от ран, Валдай не выдержал и залиvistо захохотал – настолько безумным казалось происходящее вокруг. Он хохотал и не мог остановиться. К нему присоединился один из дружинников, потом другой, затем еще один – и вот уже все живые, включая князя и послушников, гоготали так, что слезы выступали на глазах и катились по щекам. А воевода Строг смеялся так громко, что не смог устоять на ногах. И завалился бы на землю, если бы его не подхватил под руку один из стоявших рядом гридней.

Лихо от всего этого начало корежить так, будто его поджаривают на огне. Оно быстро уменьшалось в размерах, а потом закачалось и упало на колени, накрыв голову ладонями. Видя это, Арсентий резко оборвал музыку и опустил свирель. Потом подошел к чудовищу почти вплотную, поднял руку, направив ее ладонью вперед.

Остальные, видя это, замерли, глядя на послушника, не отрывая глаз.

– Уходи, Лихо! Не делай мне лихо! Нет тут больше твоей власти! – повторил Арсентий наговор, который Родион говорил раньше. – Уходи, Лихо! Нет тут твоей власти! Уходи!

Чудовище, услышав эти слова, подняло голову и посмотрело на стоявшего перед ним человека, не моргая. Потом, покачиваясь, поднялось, вскинуло левую руку и со всей силы вонзило когти в горло Арсентию, громко вскрикнувшему от боли. Впрочем, это было последнее, что оно успело сделать, потому что через миг исчезло с громким хлопком. А послушник как подкошенный повалился наземь.

– Арсентий! – Родион упал на колени рядом с товарищем, зажал рану. – Держись, брат! Держись, не сдавайся!

Арсентий попытался что-то ответить, но не смог, поэтому только кивнул два раза. Валдай ножом отхватил от рубахи длинную полосу ткани, приложил к шее послушника. Но глаза Арсентия уже потускнели.

– Вот это мощь! Вот это сила! – Князь Василий стоял на том месте, откуда только что исчезло Лихо, и осматривался с восторженным блеском в глазах. – Эх, воевода, нам бы такую силу в дружине иметь! Мы бы враз всех соседей на колени поставили!

– Княже, надо бы раненым помочь. – Воевода указал на корчившихся на земле людей.

– Что? А, да, помогите, – отмахнулся Василий. – Но какая все-таки сила, а?

Князь наклонился, поднял с земли какой-то небольшой предмет. Покрутил его в пальцах, осматривая, а потом быстро спрятал в кошель, висящий на пояском ремне. Никто не обратил на это внимания, кроме послушника Родиона, бросившего быстрый взгляд на Василия. Поняв,

¹⁰ Братина – емкость для подачи и питья алкогольных напитков.

что именно сделал князь, послушник настороженно прищурился. Но потом он посмотрел на лежащего на земле Арсентия и коротко махнул головой, словно отгоняя какую-то мысль.

* * *

– Валдай! Валдай! – Миланья махала мужу рукой из окна. – Иди резвее, он очнулся.

Десятник, услышав слова жены, сразу же откинул в сторону полено, которое собирался расколоть, воткнул в колоду топор и широким шагом направился в дом. Арсентий, бледный, как луна, лежал на широкой лавке в горнице. Шея послушника была плотно замотана застиранной тканью, на десятника он смотрел мутным взглядом. Валдай подошел и присел рядом, не зная, что и сказать, но тот, постанывая, чуть приподнялся.

– Пить дайте, – голос Арсентия звучал еще глуше, чем обычно.

– Ой, сейчас, конечно! – Миланья наполнила кружку водой, поднесла, а Валдай помог послушнику сесть.

Он поначалу побоялся, что Арсентий не сможет удержать кружку, но тот взял ее тверже, чем можно было бы ожидать.

– Ну как ты? Как себя чувствуешь? – спросил десятник, когда Арсентий, напившись, лег обратно.

– Совсем не чувствую. Давно я валяюсь? – Говорить послушнику было тяжело, но он, судя по всему, не хотел этого показывать окружающим.

– Вторую седмицу уже. Мы сперва боялись, что ты вообще отбегался. Но ты крепкий.

– Не такое бывало. Что с Лихом?

– Сгинуло. Я было надеялся, что ты убил его. Но Родион сказал, что только прогнал.

– Правду сказал. Оно бессмертное. – Арсентий посмотрел по сторонам. – А Родион? Где он?

– Отъехал ненадолго. До вчерашнего дня не отходил от тебя, но тут крестьяне пришли из деревни неподалеку, бают – ведьма у них завелась. Попросили избавиться от нее. Он сперва отказывался, но мы, – Валдай показал на жену, – уговорили, что присмотрим за тобой, пока он в отъезде. Он сказал, что скоро вернется, ему надо что-то с тобой обсудить. Это очень важно и касается напрямую и князя нашего, и Лиха изгнанного.

– Князя и Лиха? А точнее можешь его слова вспомнить?

– Так он ничего больше не сказал. – Десятник потер бороду. – А, нет, вру. Добавил еще, что в одиночку не стоит и пробовать соваться.

– Куда соваться? – насторожился послушник.

– Этого вот не знаю. Вернется, у него и спросишь.

Арсентий молча закрыл глаза.

– А ты, послушник, правда страху не ведаешь. Перед такой тварью стоять... Это, знаешь, надо сердце из стали иметь, – задумчиво произнес Валдай, не зная, слышит ли тот его. Но легкая улыбка, скользнувшая по губам Арсентия, показала, что слышит.

– Шутишь, десятник? – прохрипел послушник, приоткрыв глаз. – Я тогда думал, что помру от страха. Только ей это показывать нельзя было.

– Стал быть, не такой ты бесстрашный, как казаться хочешь?

– Стал быть, не такой, – ухмыльнулся Арсентий.

– Шрам на шее останется, – добавил Валдай после паузы.

– Не первый, чай, и не последний. – Послушник вновь закрыл глаза.

Валдай посидел рядом с ним еще немного – до тех пор, пока не услышал ровное дыхание Арсентия. Потом тихонько встал, приложил к губам палец, показывая жене, чтобы не шумела, и вышел на двор.

А Миланья, оставшаяся сидеть рядом с раненым с шитьем в руках, слушала, как послушник тихонько постанывает во сне. Она думала, что это от боли, которую приносят ему раны. Откуда ей было знать, что сейчас ему снится сон, который Арсентий видел сотни раз до этого – его жена и сын в объятom пламенем тереме. А он опять спешит их спасти. И в который раз не успевает.

Ночной гость

То, что в его келье кто-то чужой, Арсентий понял еще до того, как окончательно проснулся. Выучен был так – чувствовать опасность раньше, чем увидел. Очень полезный для воина навык. Как и выдержка, благодаря которой Арсентий не стал сразу вскакивать или открывать глаза, а продолжил изображать спящего, чтобы оценить происходящее и понять, что делать дальше.

Судя по всему, посторонний был один. Но точно не из братьев, у тех запах другой. А этот пахнет чем-то очень резким, отдаленно похожим на несвежие яйца. Но металл не чувствуется, да и звона оружия не слышно. Ночной гость сидит – или стоит – неподалеку, почти не двигается. Если бы хотел убить Арсентия, то уже бы это сделал, значит, пришел с другими намерениями...

– Да хватит притворяться, вижу, что проснулся, – послышался спокойный мужской голос, низкий и уверенный.

Арсентий открыл глаза, сбросил с себя холщовое покрывало и сел, уперев босые пятки в шершавый пол. Умение видеть в темноте в очередной раз не подвело – послушник прекрасно видел чужака, который, не прячась, сидел на маленькой лавочке возле открытого окна. Арсентий, стараясь это делать без лишней спешки, потянулся к огарку восковой свечи и кресалу.

– Думаешь, без света никак? – ухмыльнулся чужак. – Сдается мне, нам обоим он не сильно нужен. Но если тебе так спокойнее...

Незнакомец быстро взмахнул пальцами левой руки, и фитиль свечи вспыхнул сам собой. В неровном свете Арсентий еще раз быстрым, но цепким взглядом осмотрел чужака. Оружия при нем действительно не было – но оно явно ему и не нужно. Красивый мужчина лет сорока на вид – даже, пожалуй, слишком красивый, с излишне правильными чертами лица – одет был в черный кафтан из хорошей ткани. Тонкие длинные пальцы, темные волосы, волнами спадающие на плечи, ухоженная борода. Его можно было бы принять за боярина или богатого купца. Если бы среди волос на голове не виднелись короткие рога. И еще эти умные глаза... Они были разного цвета – один коричневый, второй ярко-зеленый.

– Вот креститься не надо, пожалуйста! – предупредил черт, видя, что Арсентий вскинул ко лбу два пальца. – Мне это немного, скажем так, неприятно. Прогнать не прогонишь, но невежливо доставлять гостю неудобства.

– Гости незваными не приходят, да еще в ночи, – пробурчал послушник, но все-таки опустил руку. – Зачем пришел, Антипка¹¹?

– Поговорить хочу, – задорно улыбнулся черт. – Нет, правда поговорить, ничего более.

– И с чего я тебе должен верить? – Арсентий встал, подошел к небольшой лавке возле двери, на которой была уложена одежда, натянул штаны. Он не чувствовал страха – не первый раз лицом к лицу с нечистой оказываться доводилось. Скорее – некоторое недоумение. Редкий случай, когда нелюдь сидит рядом совершенно спокойно, не пытаясь убить или сбежать.

– Можешь не верить, – пожал плечами черт. – Только вот в чем дело – я, конечно, мастер по обману, но к тебе пришел без подвоха. Хочешь, поклянусь?

– Можно подумать, ты клятвы исполняешь. Слышали про тебя, доводилось. – Арсентий накинул на плечи рясу. Потом, подумав, достал из-под лавки кувшин и два кожаных стакана. – Пиво будешь?

– А что бы и нет? Давай!

¹¹ Черта на Руси не принято было называть его именем, чтобы случайно не вызвать. Поэтому давали другие имена и названия – Нечистый, Лукавый, Антипка, Анчутка и др.

Послушник подвинул книги на столе, рядом с которым сидел черт, обратил внимание, что гость быстро поднял руки, чтобы не коснуться тяжелых томов. В этом не было ничего удивительного – две из трех книг были жизнеописаниями святых, которые настоятель Богоявленского монастыря отец Варсонофий велел Арсентию читать для укрепления веры. Послушник поставил на стол стаканы, наполнил оба почти до краев пенистым напитком с сильным хлебным ароматом.

– Ну тогда за знакомство, брат Арсентий! – Черт поднял свой стакан, выпил, не отрываясь, и в конце крикнул от удовольствия. – Эх, все-таки славное пиво в монастырях варят! Жаль, мне не часто пивать доводится.

– Ты о чем поговорить-то хотел, Нечистый? – спросил послушник, поставив на стол свой стакан.

– Слушай, а давай не здесь?

– Что, тяжело в монастырских стенах? – ухмыльнулся Арсентий, прищулив правый глаз.

– Тяжко, ага, – развел руками черт. – Примерно как тебе, если в очень горячую воду посадить. Терпеть можно, но если не хочешь свариться, лучше вылезти.

– И что предлагаешь?

– А ты не очень испугаешься, если я нас куда-нибудь перенесу отсюда?

– Не испугаюсь. – Арсентий посмотрел в разноцветные глаза, не мигая. – Но и не полечу с тобой никуда. Хочешь поговорить – давай поговорим. Я даже согласен из монастыря выйти. Но только своими ногами.

– Не доверяешь? Понятно, да, – ухмыльнулся черт. – И что предлагаешь?

– Тут неподалеку озеро есть. Это на север от монастыря, по тропинке дойти можно. Вот там, на бережке, и поговорим.

– Надо же! Я мог бы тебя в мгновение ока доставить в самые необычные места этого мира, а ты выбираешь бережок неподалеку? – засмеялся черт, показав ровные зубы, некоторые из которых блестели золотом. – Лады! Тогда там и встретимся. Буду ждать.

Он исчез в один миг, словно его тут и не было. Арсентий хмыкнул, налил себе еще пива из кувшина, залпом выпил. Потом застегнул рясу, подвязался и решительно вышел из кельи, не забыв задуть свечу.

Летняя ночь была теплой и ласковой. Дневная жара спала, темнота принесла легкий ветерок, но воздух и земля успели за день хорошенько прогреться, поэтому ветерок этот был не колючим и холодным, как бывает осенью и зимой. Он не кусал, а словно бы поглаживал теплой кошачьей лапой. И приносил запахи черемухи и смородины.

Арсентий, не пускаясь в долгие разговоры, махнул рукой троим братьям, караулящим возле костра посреди двора. Каждый из Богоявленских братьев в прошлом был либо дружинником, либо ушкуйником¹², либо наемником. Отец Варсонофий других в монастырь не звал, потому как мастером по нечисти мог стать лишь тот, кто умеет держать в руках оружие и не боится пустить его в дело. Порядки тут были соответствующими, почти как в дружине – ночную службу несли обязательно. Но Арсентия караульщики останавливать не стали – знали, что он ничего не делает просто так, не обдумав наперед. И если собрался куда-то посреди ночи, значит, есть на то веская причина.

Выйдя за ворота, он не пошел по большой дороге, ведущей к шляху на Козельск, а почти сразу свернул на ту самую тропинку, про которую говорил черту. Пожалуй, если бы не его умение видеть в темноте, даже знание дороги не особенно бы помогло – густые ветви деревьев, сомкнувшиеся над тропой, совсем не пропускали свет звезд. Идти приходилось почти на ощупь.

¹² *Ушкуйник* – древнерусский разбойник. Слово происходит от «ушкуй», так называли небольшие речные корабли, на которых разбойники нападали на своих жертв.

Вскоре Арсентий увидел впереди пляшущий огонек, отражающийся в глади озера, и двинулся прямо на него. Выйдя на берег, огляделся – черт сидел на бревне возле самой кромки воды и жарил над костром две рыбины среднего размера, нанизанные на длинные ветки.

– А я уж было решил, что ты передумал, – с притворным недовольством пробурчал нечистый. – Жду тебя тут, жду.

– Да я вроде не особенно задерживался.

– Ну как не особенно? Я вон уже и рыбу словить успел. – Черт огляделся и покивал. – А место ты и впрямь выбрал славное. Надо признать, что все-таки Он, – нечистый указал пальцем вверх, – умеет делать красивые вещи.

Арсентий подтащил небольшое бревно, валявшееся неподалеку, сел на него с другой стороны костра. Черт посмотрел на послушника с улыбкой, а потом спросил:

– Ну так и что? И до чего же ты додумался, пока шел?

– Что ты имеешь в виду? – переспросил Арсентий, не понявший, про что говорит собеседник.

– Уверен, что ты всю дорогу гадал, зачем я пришел и чего от тебя хочу. Должен был придумать какой-то ответ. Разве нет?

– Гадал, не скрою. Но ответа пока не нашел. Разве что ты душу мою сторговать хочешь?

– Фу, как грубо! – поморщился черт. – Знаешь, вы, люди, очень сильно переоцениваете стоимость своей души. Вот чем, например, твоя душа ценнее, чем душа кошки? Или собаки? Лошади?

– У них нет души! – искренне возмутился Арсентий. – Это всем известно! Господь только в людей душу вдохнул.

– Это тебе кто сказал?

– Как это кто? Так в книгах написано!

– А книги эти кто написал? Люди! Поэтому вы там и выделены наособицу. А вот если бы их писали кошки, то все могло бы и совсем по-другому звучать.

– Кошки писать не умеют! – набычился Арсентий. – А еще люди – единственные существа, созданные по Его образу и подобию!

– Да ты что! – расхохотался Нечистый. – И это тоже, поди, в твоих книгах сказано?

– Да, в них.

– Ага. Значит, ты всерьез считаешь, что ты совсем такой, как Он? И что если Его ткнуть заточенной железкой, Он истечет кровью? А если поест несвежих яблок, будет мучиться животом?

– Да как ты смеешь, нечисть! – Послушник в гневе вскочил на ноги. – Ты про Него не можешь так говорить! Понял я твой замысел – веру мою расшатать решил?

– А была ли она в тебе, вера-то эта? – Черт посмотрел на Арсентия снизу вверх. – Может, и нет ее? Монастырь, охота на нечисть – это точно от веры? Или, может, по какой другой причине? А, послушник?

Арсентий собрался было уже уйти, но в последний миг остановился. Потому что заданный чертом вопрос он действительно задавал себе не раз, но никогда не находил ответа.

– Ты так и не сказал, зачем пришел.

Черт не ответил. Он снял с огня одну из рыбин, обнюхал и осмотрел, удовлетворенно облизнулся.

– Будешь? – протянул он угощение Арсентию. – Не бойся, настоящая. На удочку поймал, над огнем состряпал.

– А и буду, – решил послушник, усаживаясь обратно и принимая рыбину из рук ночного гостя. – Небось и чем запить приготовил?

– А то как же! – Черт снял с пояса баклажку. – Не пиво монастырское, конечно, этим не богат. Вино с лучших виноградников Руссильона¹³.

– И где это такое место?

– Далеко, на берегу моря. – Нечистый куда-то махнул рукой. Потом откусил большой кусок второй рыбыны и продолжил, только когда закончил жевать: – А пришел я к тебе, чтобы спросить, зачем тебе все это нужно.

– Что это? – не понял послушник.

– Ну, монастырь этот, например. Чего ты в нем забыл?

– В монастыре мои братья, такие же, как я. Ну, почти такие же. – Арсентий задумался, как правильнее ответить на этот вопрос. – Потом, только здесь можно найти знания обо всей нечисти – настоятель не один день собирал книги и тех, кто эти книги читать умеет. А значит, только тут знают, как тварей побеждать, и есть те, кто может лечить от ран, которые эти твари оставляют.

– Это-то понятно. Но я о другом. Зачем тебе это все – охота на нечисть, жизнь монастырская? Богатства оно тебе не приносит, славы тоже. Остался бы в княжеской дружине, жил бы в тереме. Спал бы на мягких перинах, а по утрам челядинцы бы приносили заутрок в серебряной посуде. Водил бы гридней в бой, ратную славу себе добывал.

– Это, боюсь, мне сложно будет тебе объяснить. – Арсентий сделал большой глоток из протянутой баклажки. Сладкое вино с легким цветочным запахом действительно было очень приятным на вкус.

– Попробуй, вдруг пойму? Можешь даже не все говорить, многое я уже знаю. Про семью твою, например.

– А ты, случаем, не причастен к тому, что с моей семьей стряслось? – насторожился Арсентий.

– Я, друг мой, в этом мире много к чему причастен. И за людьми не первую сотню лет наблюдаю. Поэтому вот что я тебе скажу, Арсентий, – люди привыкли почти во всех своих напастях обвинять меня. А порой даже и Его. – Нечистый вновь указал пальцем вверх. – Но сами так ловко научились друг другу пакостить, что даже мне порой на такое выдумки не хватает.

– Ты не ответил на вопрос. Ты причастен к гибели моей семьи?

– Нет. Даю слово. – Черт посерьезнел. – А слово свое на самом деле я всегда держу. Я, как ваши купцы, очень серьезно к этому отношусь, потому что это основа торговли.

– Торговли за души?

– В моем случае – да, за них. Если я не стану свои обещания выполнять, никто со мной и торговать не возьмется. Но сейчас не об этом. Ты так и не ответил на мой вопрос. Зачем тебе все это?

Какое-то время Арсентий, насупившись, смотрел в пляшущее перед ним пламя костра, наблюдал за тем, как огонь охватывает одну за другой ветки, превращает дерево в ярко-красные угли. Потом привычным жестом потер ожог на левой щеке.

– Когда их не стало, я понял, что моя жизнь не имеет никакого смысла. Она до сих пор его не имеет в те дни, когда я не гоняюсь за нечистью, а сижу в монастырских стенах. Вот как-то так.

– Значит, пытаешься так победить внутреннюю боль? – задумчиво почесал черт правый рог. – А пить горькую не пробовал?

– Пробовал. Помогает, но очень ненадолго.

– Любопытно.

¹³ Руссильон – историческая провинция на юге Франции, на берегу Средиземного моря.

– Ну, по крайней мере, я другого объяснения для себя не нашел. Как только останавливаюсь, сразу чувствую, что горю внутри. Кажется, вот-вот разорвет на куски.

– Но почему монастырь, почему охота на нечисть? Мог же вернуться в дружину. Занялся бы обучением отроков¹⁴, например. Да и вообще там всегда есть чем заняться: рубить одних, защищать других. Или вон в разбойные бы подался – тем вообще скучать некогда.

– Да тут не в скуке дело. В дружине или в ватаге¹⁵ в первую очередь о себе думают, а мне этого мало. А когда я отслеживаю нечисть, делаю это не ради себя, а ради тех, кого от этой нечисти спасаю. Рубить друг друга умеют многие. А вот посмотреть в глаза вурдалаку, не напрудив в штаны, – только мы с братьями.

– Ага. – Черт хитро прищурился. – Значит, чувство превосходства над другими? Они не могут, а ты можешь?

– Все-таки ты меня не понимаешь.

– Ну почему же, понимаю. – Нечистый подкинул в огонь еще несколько веток. – А что, если я тебе предложу все это изменить? Сделаю так, чтобы твоя душа больше не болела и не было необходимости вурдалакам в глаза заглядывать?

– И как же? Можешь вернуть мою семью?

– Увы, как раз этого я не умею. Воскрешать из мертвых до сих пор сумел только один.

– А что тогда?

– Я могу сделать так, чтобы ты про это забыл. С утра проснешься и не вспомнишь ничего – ни о семье, ни о монастыре. Станешь воеводой в каком-нибудь княжестве, сам выбери в каком. Или, например, могу сделать тебя рыцарем при дворе маркграфа Саксонии или герцога Бургундии. Царьград вот еще хорошее место, займешь пост при тамошнем базилевсе¹⁶.

– И что взамен хочешь? – Арсентий посмотрел на черта из-под низко опущенных бровей.

– Не поверишь – ничего. То есть вообще ничего. Слово даю – сделаю тебя богатым и счастливым и не попрошу взамен никакой награды. Ну решайся – отличное же предложение!

Послушник бросил в огонь палку, на которой черт жарил рыбу; благодаря оставшемуся жиру она вспыхнула сразу же и чуть ярче остальных. Потом посмотрел на небо, которое на востоке уже начинало потихоньку светлеть. Ночные соловьи все тише вели свои песни, уступая утренним птицам, наполнявшим лес радостным чириканьем.

– Давай так, Лукавый. – Арсентий вновь посмотрел на черта в упор. – Я тебе все как на духу рассказал. Теперь твоя очередь.

– Да мне и рассказывать нечего! – поднял тот вверх ладони и заговорил, чуть выпучив свои разноцветные глаза. – Я же говорю, ничего в ответ не прошу, просто хочу тебе доброе дело сделать!

– Не юли, Нечистый! – Арсентий повысил голос. – Ты, и доброе дело? Либо сейчас все рассказываешь, либо я встаю и ухожу.

Теперь ненадолго задумался черт. Потеребил тонкими пальцами свою ухоженную бороду, плотно при этом сжав губы. Нахмурился так, что высокий лоб перечеркнули три морщины от волос до переносицы. Потом вздохнул.

– Упертый ты, Арсентий, как баран-трехлетка. Лады, скажу прямо и без выкрутасов. – Черт вытянул ноги, а руки сложил на груди. – Ты мне мешаешь, послушник. Путаешься под ногами, ломаешь мои замыслы и задумки. Я и хочу, чтобы ты занялся чем-нибудь другим. Но вот в чем беда – сделать это могу, только если мы с тобой договоримся. У меня с Ним, – он в

¹⁴ *Отроки* – подростки, которые только проходят обучение, чтобы стать дружинниками.

¹⁵ *Ватага* (здесь) – шайка разбойников.

¹⁶ *Базилевс* (*василевс*) – император в Византии, столицей которой был Константинополь, на Руси называемый Царьградом.

очередной раз указал вверх, – так определено. Не могу заставить человека силой, только если сам согласится.

– Вот как! И какой же замысел я тебе ломаю?

– А вот это, друг мой Арсентий, тебе знать незачем, – ухмыльнулся черт, а потом распахнул глаза, будто в голову ему внезапно пришла дельная мысль: – Хотя... Знаешь, а ведь ты мне все равно помешать-то не сможешь. Усложнишь, да, кое-что подпортишь, но не помешаешь. Точно, я тебе все расскажу. И у тебя будет два пути – согласиться на мое предложение и забыть все, либо же помнить и знать, что все это моя задумка, но ничего не сможешь исправить.

– Чего-то ты совсем загадками заговорил, Лукавый.

– Сейчас поймешь. Я задумал на эту землю, – черт рукой указал вокруг, – привести очень большую беду. Чужеземное войско, которое пройдет по вашим русским княжествам, как страшная болезнь, как волна, смывающая песок. Она унесет тысячи жизней, но главное – сделает людей более жестокими и алчными, а значит – более податливыми для меня. – Нечистый взмахивал ладонями, воодушевляясь своей же речью. – Я заранее, задолго начал готовиться. Стравливаю князей, чтобы они ненавидели друг друга, заставляю соседа идти на соседа.

– Значит, это твоих рук дело?

– А чьих же еще? И знаешь, получается вполне сносно. И в этом мне очень помогает вся та нечисть, с которой ты взялся бороться. Все эти вурдалаки, навьи и стрыги¹⁷ – они заставляют людей бояться. А там, где селится страх, моя сила растет. И вдруг появляешься ты, такой весь смелый и умелый. И мне становится значительно сложнее. Люди начинают верить в то, что кто-то может прийти к ним на помощь, защитить. У них появляется надежда. А она помогает устоять передо мной.

– Интересные вещи рассказываешь, – ответил Арсентий, когда черт закончил и выдохнул. – Но почему именно я? Нас в монастыре почитай сорок душ.

– Знаешь, как-то так получилось, что из всех ваших братьев именно ты стал попадаться на моем пути слишком часто. Остальные братья тоже, да, но только время от времени. А ты – чуть не каждый месяц. – Черт встал, потянулся, потом подошел к озеру, зачерпнул воды и плеснул в лицо. – Засиделись мы с тобой. Скоро светает. Тебя в монастыре хватятся.

– А эта нечисть, которую ты в своих замыслах используешь, – она знает, что под твою дудку пляшет? Все эти стрыги, навьи и вурдалаки?

– Не. Они сами по себе. Помогают, даже если не хотят этого. С ними порой даже проще, чем с людьми, управляться. – Черт ладонями стряхнул со штанов древесную кору. – Ну, так что, Арсентий? Согласен на мое предложение? Утром проснешься в тереме или дворце, считая, что так с детства живешь. Будешь ездить на пиры и охоты, на войну иногда. Женишься на какой-нибудь дворянке, детей заведете. Могу тебе заодно и самую завидную невесту сосватать, мне не жалко. Не жизнь, а мечта!

– Мечта, – согласился Арсентий, а потом невесело усмехнулся. – Только не моя. Я уже жил в тереме с прислугой. И женат был, как ты знаешь. И память о жене и сыне для меня самое ценное, что в этой жизни осталось.

– Ладно, можно и без потери памяти, чего уж там. Просто окажешься в далеких землях. Будешь жить в свою радость, богатый и счастливый. А?

– Не, Нечистый! – покачал головой Арсентий, тоже вставая. – Поёшь ты сладко, это да. Только не для меня все это. Свой путь я выбрал и сворачивать с него не намерен.

– Упертый... Крепко решил?

– Крепче не бывает.

¹⁷ *Стрыги* – в мифологии повешенные ведьмы, после смерти превратившиеся в вампиров.

– Дурень ты, брат Арсентий, – ухмыльнулся черт уже не по-доброму. – От такого предложения не отказываются! Ладно, значит, так тому и быть. Будем и дальше мешать жить друг другу.

– Будем, да. Мы с тобой, Нечистый, никогда друзьями не были, и впредь не будем.

– Это да. Прощай, Арсентий! – Черт повернулся было, сделал пару шагов, но потом остановился. – Все-таки ты – интересный противник, у меня такого давно не было. И ты, пожалуй, первый человек, который, зная, кто я такой, от чистого сердца меня пивом угостил. А это дорогого стоит.

– Это ты к чему сейчас?

– Я тебе подарок на прощание сделаю. Точнее, совет дам. – Видя, что Арсентий с улыбкой качает головой, черт поднял ладонь. – Не бойся, подвоха не будет, я правда тебе благодарен.

– И что за совет? – слегка ухмыльнулся Арсентий.

– Только заучи его слово в слово. «Когда настанет день, который превратится в ночь, когда верный друг без сил опустится на колени, а соратники уронят оружие и погаснет надежда, сделай то, чего очень хочешь сделать, но считаешь неправильным». Запомнил?

– Ну запомнил, не велика сложность.

– Вот и славно. Тогда прощай, что ли, послушник! Или, вернее, до встречи!

В этот раз он не стал исчезать. Легкой походкой дошел до деревьев, махнул рукой, не оборачиваясь, и скрылся в лесу. Арсентий какое-то время смотрел ему вслед, а потом быстро направился к тропинке, по которой пришел к берегу. Теперь, в утренних сумерках, идти было гораздо проще, поэтому вскоре он уже подходил к монастырю.

Настоятеля монастыря отца Варсонофия он увидел, как только оказался внутри стен. Тот о чем-то беседовал с двумя немолодыми братьями, но, заметив решительно шагнувшего к нему Арсентия, быстро перекрестил обоих, отпуская, а сам неторопливо пошел к послушнику.

– Отец Варсонофий, разговор есть, – склонил голову Арсентий, подойдя поближе. – Похоже, беда идет, с которой нам не совладать будет.

Между Явью и Навью

– Плохо, очень плохо! – Арсентий перебросил деревянный меч из правой руки в левую, подошел к бочке, ковшом зачерпнул студеную воду и продолжил, уже напившись. – Двигаетесь оба, как старики древние. А должны быть быстрыми и легкими, как молния. Как ветер. Как сокол во время броска. Иначе всегда будете проигрывать.

– Дядька Арсентий, мы же стараемся. – Гриня, один из худощавых пятнадцатилетних близнецов, поднялся на ноги и подал руку второму. Но брат отмахнулся, встал сам.

– Тут мало одного старания. Опять я один вас обоих играючи положил.

– Так у тебя и опыта намного больше, дядька Арсентий, – пробубнил Федька.

– Не только в опыте дело, – ответил послушник, глядя на них столь сурово, что веснушчатые лица пареньков покрылись стыдливым румянцем. – Вы как дикие звери – бросаетесь вперед, стараетесь меня достать как можно быстрее. А потом замедляетесь, теряетесь. А надо наоборот: сперва головой подумать, нужный миг выждать, а когда противник защиту ослабил, уже рубить. Еще раз начали!

Близнецы, направив в грудь послушника учебные мечи и осторожно переставляя ноги, подкрадывались с двух сторон, выжидая нужный миг, чтобы ударить. Сам же Арсентий стоял, опустив меч, с невозмутимым выражением лица, и только по глазам можно было понять, насколько он сейчас собран.

– Бей, Федька! – Гриня, как обычно, не выдержал первым, прыгнул вперед, целя в шею наставнику. И Федька, перед этим предусмотрительно зашедший за спину послушнику, тут же последовал за братом.

Им уже казалось, что они достигли цели, но в последний миг Арсентий мягко присел, так что мечи близнецов просвистели там, где только что была его голова. И сразу же, не выпрямляясь, крутанулся на пятках, сильным ударом подсек Федьку под коленями так, что у того ноги враз подломились, и он опять завалился на траву. Послушник же быстро развернулся в сторону второго брата, целясь тому в спину – как и всегда, Гришка при ударе все тело вложил в замахи и не сразу смог развернуться. Но в этот раз он все-таки учел прошлые ошибки, успел нырнуть под меч наставника. Но когда попробовал ударить Арсентия в ответ, тот быстрым движением по дуге перехватил меч ученика около крестовины, крутанул свой и шлепнул по левому уху так, что у бойкого близнеца загудело в голове. Самым позорным образом Гриня завалился на землю рядом с братом.

– Плохо! Очень плохо! Зачем я на вас столько времени трачу? Гриня!

– Да, наставник? – прищурился тот, держась ладонью за ухо.

– Сколько раз повторять! Меч – это не оглобля и даже не топор. Не надо им замахиваться со всей дури, пытаться меня на две части развалить. Из-за этого не успеваешь ничего сделать, если я в ответ иду. Федька! Почувствуй наконец клинок, он должен стать частью тебя.

– Суров ты, Арсентий, суров! – К занимающейся на монастырском дворе троице подошел отец Варсонофий. – Вот что, дай-ка мальчишкам передохнуть. Посиди со мной, поговори.

– Нечего им отдыхать, еще не наработались. – Брат Арсентий нахмурил брови. – Мечи положили, взяли цепи, крутим до моего возвращения. И не лагодничать¹⁸, я смотрю за вами!

Настоящими цепями, впрочем, он им пока не доверял работать, вместо них братья использовали длинные веревки с большими круглыми узлами на концах. Так и учиться можно, и себя не покалечат. Минуту спустя близнецы сосредоточенно орудовали веревками, пуская их петлями на разной высоте, резко останавливая и сразу же закручивая в другую сторону так быстро, что воздух вокруг них гудел.

¹⁸ Лагодничать – лениться.

– О чем поговорить хотел, отче? – спросил Арсентий, присаживаясь рядом с настоятелем их монастыря на лавку возле стены. Отец Варсонофий какое-то время молчал, глядя на увлеченно занимающихся близнецов.

– Что думаешь, будет из них толк?

– Пока не знаю. С оружием неплохо обращаться стали – год-другой, и сносными бойцами станут, а то и хорошими. Против людей я с ними смело выйду. Против нечисти – не уверен.

– С таким наставником, как ты, не могут не стать хорошими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.